

СЕРГЕЙ
ВОЛКОВ

**Стража
последнего
рубежа**

Закончилась серия

Управление Т

Сергей Волков

Стража последнего рубежа

«АСТ»

2009

Волков С. Ю.

Стража последнего рубежа / С. Ю. Волков — «АСТ»,
2009 — (Управление Т)

Управление Т – самое секретное подразделение Федеральной службы безопасности России. Его сотрудники противостоят незнакомым – порождениям Темного мира, которых простые граждане считают персонажами из мифов и легенд. В самом сердце Москвы завязывается головокружительная интрига вокруг древнего артефакта – Рога Одина. За ним охотятся Кош, тайный владыка московских незнакомцев, жаждущий власти над всем миром, и немецкий маг Убель Хорст, мечтающий возродить арийскую расу. Судьба мира висит на волоске, и переломить ситуацию могут только сотрудники Управления Т – ведь другие люди даже не подозревают о существовании магии и Темного мира... Лейтенанту Управления Т Тамаре Поливановой предстоит столкнуться с ужасными созданиями, могучими колдунами, зловещим наследием "Анэнербе", пройти через огонь и смерть, чтобы доказать, что наш мир не беззащитен и у его последнего рубежа есть надежная стража.

Содержание

Пролог	5
Глава первая	10
Глава вторая	18
Глава третья	25
Глава четвертая	32
Глава пятая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Волков

Стража последнего рубежа

Маше с любовью

Пролог

Отто не любил фазу поиска. За окнами кабины – мрак.

Пилоту приходится вести самолет по приборам. Скука. Звук моторов убаюкивает не хуже стука колес в поезде. «Воум, воум, воум», – ритмично бьется в ушах басовитый стон. Шлемофон не спасает. Кажется, что это гудение живет внутри черепной коробки.

Настоящая работа, подлинный азарт охотника, выслеживающего добычу, – у оператора «Лихтенштейна». Отто представил, как бородатый радист Артур Шорхонст, сощурился глазами, впивается взглядом в экран радара. Рога антенн посылают волны, и где-то там, в необозримых пространствах над покоренным Остландом, они мчатся, невидимые и неосязаемые, чтобы в один прекрасный миг отразиться от фюзеляжа крадущегося на запад русского самолета.

Это может быть транспортник, какой-нибудь Ли-2 или Пе-8, тихоходный, неповоротливый увалень, чье металлическое чрево набито медикаментами, оружием и продовольствием для действующих в тылу войск вермахта бандитов. А может быть и дальний бомбардировщик или даже целая группа несущих смерть машин. Один четырехмоторный гигант ТБ-7 берет четыре тонны бомб, по тонне на винт. Сбить такого монстра – и до вождя Рыцарского креста останется всего ничего, три балла. А если удастся свалить двух... Отто на секунду зажмурился. Он представил себя в отпуске, прогуливающимся по Цукерштрассе под ручку с Агнесс. Погоны гауптмана блещут серебром, в глазу монокль, а на черно-бело-красной ленте, чуть ниже гладко выбритого подбородка – скромная, заслуженная награда. И всем сразу становится ясно – вот идет герой рейха, отмеченный самим фюрером.

Но до этого еще далеко. Пока же в руках – облитые резиной рога штурвала, а за окнами – ночь. «Юнкерс-88С-6b», ночной истребитель, двенадцатитонный крылатый ужас прифронтовой полосы, одна из вершин «сумрачного арийского гения», несется на северо-восток. Если бы Отто был романтиком, любителем древних саг и легенд, он непременно назвал бы свой самолет «Пожиратель пространства» или «Летающая смерть». Но среди коллег, пилотов эскадры ночных истребителей люфтваффе, гауптман Отто Штаммбергер имел репутацию прагматика и гордился этим. Идет война, тут не до сантиментов. «Мы – оружие немецкой нации. Мы – закаленные и смертоносные клинки в ее крепких руках», – сказал рейхсмаршал Геринг, и Отто был полностью с ним согласен. А раз так, то пусть романтика подождет до победы.

– Герр гауптман! – раздался в наушнике голос радиста. – Получено сообщение: наблюдатели засекли в тридцати километрах от нас двухмоторный самолет, следующий из нашего тыла на восток. Это русские, командир! Курс...

– Понял тебя, Арчи! – Хищно оскалившись, Отто обернулся и показал сидевшему сзади радисту большой палец.

Потом он повел штурвал в сторону. Машина накренилась, делая поворот. Стрелок-бомбардир Курт Ротбарт, сидящий в носовом фонаре, вопросительно посмотрел на Отто. Гауптман выразительно полоснул себя по шее ладонью. Стрелок кивнул, припал к турели пулемета, вглядываясь во тьму. Когда Отто включит «гроссфару» и лучом зацепит в этой слепящей мгле вражеский самолет, от Курта будет зависеть очень многое. Если он не срежет противника первой очередью, тот может «сорваться» – и уйти, прижавшись к земле, где его не засечет ни один радар. Такие случаи были. Но не с экипажем Отто Штаммбергера.

Через двадцать минут «Лихтенштейн» обнаружил русский двухмоторник. Артур передал командиру данные о направлении и высоте цели, от себя добавил:

– Бьюсь об заклад, это санитарный Ли-2. Они даже не огрызнутся перед смертью!

Отто рассмеялся шутке радиста. Из всех транспортников санитарные Ли-2, украшенные огромными красными крестами на белом фоне, считались самой легкой добычей для ночных истребителей. Русские ради снижения веса и увеличения внутреннего пространства снимали с санитарных самолетов все вооружение, кроме носового пулемета. Сбивать такие машины было делом достаточно простым и безопасным.

– Коллеги, приготовились! – скомандовал Отто, поднимая истребитель на две сотни метров выше эшелона, в котором шел Ли-2. Далеко внизу, заснеженные, лежали непроходимые русские леса. Скоро они содрогнутся от грохота взрыва и снег осыплется с колючих еловых ветвей – во славу рейха и фюрера!

Мыря вынул последний болт, откинул крышку люка и кивнул боглу.¹ Рослый шотландец сбил набок берет и пролез внутрь. В моторном отсеке было душно. Грохотали клапана, ревел в недрах блока бешено вращающийся коленвал, под крышками цилиндров дребезжали клапана. Непроницаемый для человеческого глаза мрак окутывал все вокруг, по стенам змеились трубы гидравлической системы. Мыря следом за боглом нырнул в люк и присел, озираясь.

В отсеке пахло гвардом. Бывший домовый хорошо знал этот запах, острый, бьющий в нос, жуткий запах страха и смерти.

– Тевтонец! – прорычал в волосатое ухо Мыря богл, вынимая из ножен палаш.

Домовой ощерил мелкие зубки, отодвинулся в сторону. Если начнется рубка, главное – не попасть под удар. Здоровяк богл на тренировках махал тяжелым палашом, как прутиком, мог и задеть невзначай. Впрочем, Мыря надеялся, что гвард окажется слабым, из породы тервингов, и его удастся перечаровать без драки.

Однако надеждам Мыри не суждено было сбыться. Едва только богл и домовый продвинулись вперед и выбрались на открытое пространство у блока цилиндров, как перед ними возникло косматое существо огромного роста. В лапах хозяин отсека сжимал шипастый моргенштерн.

– Вервольф! – ахнул Мыря.

Гвард заворчал, поворачивая остроухую голову с оскаленной пастью из стороны в сторону.

– Кто посмел потревожить мой покой и мое жилище? – прорычал он.

– Твоей страже конец! – выкрикнул богл положенные ритуалом слова. – Сложи оружие и подчинись!

– Я выбираю бой! – с жуткой усмешкой ответил вервольф. – Память предков!

Мыря вздрогнул. Богл с досадой выругался. «Память предков» – это поединок чар, магическая битва. Гварды-германцы традиционно были сильны в таких единоборствах. Впрочем, богл тоже не собирался отступать. В конце концов, и его предки одержали немало побед над врагами. А если что – Мыря поможет. На то он и старший в их паре. До недавнего времени Мыря ходил на задания с Охохонюшкой, седым, опытным и неторопливым незнатем из заложенных покойников. Но в последнем деле, когда они напоролись на инистого великана, Охохонюшка едва не погиб и сейчас отлеживался в лечебне.

Богл с чудным для русского уха именем Осл, прибывший в составе союзного контингента, тоже имел немалый боевой опыт, семнадцать раз ходил «на зацеп», но все же комбат Дарень поставил его ведомым, а Мыре намекнул, что неплохо было бы дать союзнику возможность проявить себя – чтобы на будущее знать, кто он и что.

¹ См. приложение

И вот теперь боглу предстояла битва «Память предков». Мыря уселся на подрагивающий металлический пол и сплел заклинание «зрак кречета». А вокруг уже плыл голубоватый туман, заволакивающий моторный отсек, – вервольф начал свою чаровку.

...Серая равнина, огороженная со всех сторон скалистыми горами, казалась припорошенной пеплом. Заунывно свистел ветер, редкие деревья гнулись под его порывами, тряска голыми ветвями. Тяжелые тучи заволакивали небо, и солнце проглядывало сквозь них белесым пятном.

Вервольф стоял на обломке скалы, воздев в мгlistый зенит свой моргенштерн. Мыря, точно и вправду став кречетом, смотрел на гварда с высоты птичьего полета. Богла он не заметил, но знал, что его ведомый тоже где-то здесь, готовится к битве.

Первые полки германцев появились на северной стороне равнины. В авангарде неровной толпой двигались косматые горные тролли. Вервольф поставил их застрельщиками. Мыря про себя хмыкнул – в общем-то правильно, он и сам поступил бы так же, но уж больно тролли туповаты и яростны. В боевом безумии они могут начать кидаться на своих, и, если гвард окажется не слишком искусным полководцем, бешенство троллей может выйти ему боком.

Тем временем вслед за троллями на поле битвы выступили основные силы вервольфа. Мыря заметил блистающие щиты эйнхериев. Погибшие воины, обитатели Вальгаллы, двигались классическим хирдом. Следом шли отряды карликов-брисингов, вооруженных боевыми молотами, цверги и кобольды, воинственно размахивающие топорами. Фланги германского войска прикрывали темные альвы, непревзойденные лучники, а в небе появились валькирии. Армия гварда выглядела устрашающе. Она заполнила собой всю северную часть долины.

Богл тем временем расставлял свои отряды в южной стороне, между холмов. Если вервольф собрал ударные силы в центре, шотландец, напротив, поставил наиболее сильных бойцов по краям. На левом фланге призрачной массой сгрудились дружины форморов. Мыре показалось даже, что он различил впереди воинства нижних духов их одноглазого вождя Балора верхом на черном коне с волчьими зубами.

Правый фланг заняли асраи и сидхе. Духи вод, божества холмов, рек, гор и островов, они потрясали копьями и мечами. Центр боевых порядков богла составили коблинаи с кирками в руках, боггарты, хобгоблины, вооруженные тесаками, и черные, желтоглазые псы ку ши. В пестрой толпе фейери то и дело появлялись огромные уродливые морды урисков. Над войсками закружились баньши, и их унылые, леденящие кровь вопли разнеслись над равниной.

Вервольф зарычал, подавая сигнал к атаке. Разом затрубили рога, взметнулись знамена, эйнхерии грохнули мечами о щиты, и вся огромная масса германцев сдвинулась с места. Тролли побежали вперед, размахивая суковатыми дубинами. За ними, отчаянно вопя, лавиной катились цверги и кобольды.

В боевых порядках богла ударили барабаны, и низкий рокот отразился от серых скал. Тонко взвизгнули серебряные дудки форморов – дружины нижних духов устремились на врага. Форморы не признавали никакого оружия, предпочитая терзать тела врагов клыками и когтями, а головы их скакунов венчали острые, как пики, рога. Одновременно с воинством одноглазого Балора на правом фланге пришли в движение отряды асраев и сидхе. Опустив длинные копья, воздев мечи и секиры, рати стихийных божеств в мгновение ока преодолели пространство, отделявшее их от нестройной толпы лучников-альвов, и ударили по ним, первыми вступив в битву.

Пока асраи и сидхе перемалывали альвов, тролли, выстроившись «кабаньей головой», вломились в центр боглова войска. Коблинаи и боггарты, едва дошедшие горным великанам до пояса, отчаянно сопротивлялись, но дубины троллей попросту сметали их, громоздя завалы из мертвых тел. Хобгоблины сбили подобие строя, выставили короткие копья и попытались задержать смертоносную лавину троллей. Однако великанов было уже не остановить. Их рев оглушал даже на расстоянии, а побуревшие от крови дубины мелькали, словно тростинки, разя

врага. Очень скоро от боевых порядков хобгоблинов не осталось и следа. Горестно завывая, меньшей народец побежал, бросая оружие.

Только черные собаки ку ши сумели хоть как-то противиться троллям. Стаями по несколько десятков они набрасывались на них, намертво вцепляясь в толстые шкуры горных великанов, и, случалось, валили наземь, где острые клыки их желтоглазых сородичей добирались до троллевых глоток. Вместе с ку ши троллям противостояли уриски, плюющиеся ядовитой слюной. Увидев, что со страшными великанами можно биться, бежавшие было хобгоблины, коблинаи и боггарты вернулись и напали на врага с удесятеренной силой. А когда с небес на орду троллей начали пикировать баньши, атака германцев захлебнулась. Стиснутые со всех сторон противником тролли гибли один за одним. Рев и стон повисли над полем битвы.

Теперь в центре равнины, между холмов, ворочалась огромная, многорукая, кровавая масса воинов. Подоспевшие кобольды схватились с коблинаями, цверги ударили на хобгоблинов и боггартов, а злобные брисинги своими молотами принялись истреблять собак ку ши. Сверкающий хирд эйнхериев, точно нож сквозь масло, прошел через все бранное поле, оставляя за собой лишь мертвые тела. Валькирии отогнали баньш, и их огненные мечи слепили бьющихся на земле.

Но конница форморов, асраи и сидхе, истребив альвов, уже заходила в тыл войскам вервольфа. Победно грохотали барабаны, звенели дудки, трепетали флажки на копьях. Брисинги, первыми вставшие на пути смертоносных дружин форморов, в одночасье полегли под копытами жутких рогатых коней, и Балор хохотал, видя это. Отряды же асраи и сидхе не сумели разметать хирд воинов Вальгаллы и в бессилии отхлынули, теряя бойцов. Но одни эйнхерии не могли сражаться со всем войском богла. Хобгоблины и боггарты теснили коблинаев и цвергов, истребляя их без счета. Чаши весов в незримых руках богини победы, качнувшиеся было в пользу вервольфа, выровнялись и постепенно стали склоняться в другую сторону.

И тогда гвард выбросил на стол главный козырь. Подняв черный рог, он затрубил в него с такой силой, что сражавшиеся на несколько мгновений оглохли и опустили оружие, со страхом взирая на вервольфа. А из-за скалы, на которой он стоял, медленно и величаво поднималась на длинной чешуйчатой шее исполинская голова, увенчанная короной из острых рогов.

– Дракон! – вскрикнул Мыря.

Он попытался предостеречь увлеченного битвой богла, но не успел – дракон распахнул кожистые крылья, взлетел, одним своим видом распугав и валькирий, и баньш, кружившихся над сечей. Асраи и сидхе выпустили тучи стрел, стремясь поразить грозного врага, буде он еще низко. Вервольф вновь затрубил в рог, подавая сигнал к отходу. Эйнхерии впервые нарушили строй, и стальной ромб хирда рассыпался на множество сверкающих капелек, которые, подобно ртути, потекли прочь, под защиту скал. Цверги и кобольды бежали вслед за ними, а на рванувшихся по пятам врага коблинаев и хобгоблинов дракон обрушил ревущее пламя, тут же испепелившее добрую половину войска богла.

– Ну все, конец, – обреченно вздохнул Мыря и расплел «зрак кречета». Битву «Память предков» богл проиграл. Против дракона все его фейеры не выстоят и получаса. Теперь двум полководцам предстоял настоящий поединок.

Колдовской туман, заволакивающий моторный отсек, расплзся. Вервольф жутко улыбался, поигрывая моргенштерном. Мыря поежился – улыбка на волчьей морде выглядела еще страшнее, чем голодный оскал.

Богл издал боевой клич и первым прыгнул на врага. Блеснул палаш, но тевтонский гвард не двинулся с места, лишь поднял свое страшное оружие. Посыпались искры, палаш едва не вывернулся из рук богла. И тут оборотень атаковал пришельцев. Тяжелый моргенштерн мелькнул в воздухе раз, другой, третий – и богл отлетел к люку, выронив клинок. Вервольф торжествующе взвыл, обнажив длинные клыки, одним прыжком преодолел весь отсек и нанес последний удар, вбивая тело богла в металл. В этот момент скорчившийся в уголке Мыря

коротко взмахнул рукой, и подвешенная на сыромятном ремне гирька – любимое оружие домового – ударила гварда в висок. Оборотень покачулся, выронил моргенштерн и кулем повалился рядом с бездыханным боглом.

Мыря подобрался к шотландцу, обмакнул пальцы в лужицу крови, натекашей из размозженной головы, лизнул.

– Эх, союзничек... На первом же задании...

Вздыхнув, домовый перешагнул через тело вервольфа и принялся ощупывать трубы маслопроводов. Найдя самую горячую, он достал из котомки ножовку и сделал пробный надпил...

* * *

«Гроссфара» на секунду осветила русский самолет, и Отто довольно рассмеялся, разглядев красные кресты на фюзеляже. Это действительно был санитар, легкая добыча, два балла в зачет. Скомандовав экипажу приготовиться к атаке, Отто подал штурвал вперед.

Ли-2 шел на трехстах метрах, готовый в любой момент нырнуть к самым верхушкам деревьев. Когда ночной истребитель осветил самолет, русский пилот так и сделал, но тяжелый двухмоторный транспортник, к тому же под завязку загруженный ранеными и обмороженными партизанами, – это не скоростной истребитель. Драгоценные секунды таяли, как снег в кружке, поставленной на горячую печку. Выжимая максимум из двигателей, Ли-2 косо падал вниз, а сзади за ним неслась сама смерть, и сверкающее око ее жадно шарило лучом прожектора, стараясь не упустить добычу.

Отто после нескольких попыток вновь выхватил из тьмы двухмоторник русских лучом «гроссфары» и повел истребитель по глиссаде, постепенно прибавляя скорость. Стрелок Курт ловил Ли-2 в кольцо прицела, готовый нажать на гашетку. Но проклятый русский решил перед смертью вдосталь помучиться и неожиданно через крыло ушел едва ли не в пике.

– Шайсе! – взревел Отто и вдавил педаль газа, включая форсаж.

«Юнкерс» рванулся вниз. В ту же секунду в правом двигателе лопнула трубка маслопровода, и раскаленное масло под давлением хлестануло на двигатель, мгновенно воспламенившись.

Истребитель, словно споткнувшись, потерял скорость и, как говорят летчики, «захромал». Отто, красный, точно рак, ругался и лихорадочно щелкал переключателями подачи топлива и масла. О преследовании русского самолета можно было забыть. «Юнкерс» никак не хотел выравниваться, продолжая стремительный полет к земле. Радист неуверенно поинтересовался – не пора ли подавать сигнал бедствия? Отто хотел послать его к чертовой матери, но не успел. В темноте на месте правого крыла расцвел красно-желтый цветок взрыва, истребитель завертело и бросило вниз. Через несколько секунд самолет упал в лес. Последовал новый взрыв, но никто из экипажа Отто Штаммбергера его уже не услышал...

Они также никогда не узнали, что разрыв маслопровода в двигателе произошел из-за глубокого надпила, оставленного ножовкой Мыри, бывшего домового, а ныне бойца особого диверсионного батальона войск НКВД.

В тот момент, когда ночной истребитель врезался в землю, сам Мыря, ухватившись за рамку крохотного дельтаплана, возвращался на базу в смешанных чувствах. С одной стороны, он выполнил задание и уничтожил самолет врага, с другой – потерял ведомого. Впрочем, утешал себя домовый, войны без потерь не бывает...

Глава первая

Олег проснулся в глухой, предутренний час, про который еще Лесков написал: «...когда поет петух и нежить мечется в потемках...» За окном – темень. Стараясь не разбудить родителей, Олег сполоснул лицо под тонкой струйкой воды, глотнул чаю из термоса, быстро оделся и аккуратно закрыл за собой дверь. Лифт стоял на его этаже, но он пошел пешком. Подъездная дверь клацнула за спиной челюстью монстра из фильма ужасов. Олег огляделся и поежился.

На Москву опустился туман. За ночь подморозило, на лужах поблескивал ледок. Стылая мгла, подсвеченная оранжевым светом уличных фонарей, поглотила город. Между домами колыхался текучий мрак. Он казался живым, заползая в ущелья улиц, в норы подворотен, в провалы дворов, в разъявленные рты бульваров, где одинокие голые деревья испуганно жались друг к другу. Стояла оглушительная, невероятная для столицы тишина, лишь где-то надрывалась сирена «скорой помощи».

– Н-да-а, – задумчиво протянул Олег, закуривая, – доброе утро, город родной. Можешь ты поднять настроение, когда захочешь...

В соседнем дворе завyla собака – будто ответила. Олег мрачно усмехнулся, выкинул недокурную сигарету, поправил рюкзак и двинулся по пустынной Сретенке в сторону Садового кольца.

Мимо проплывали темные окна спящих домов, похожие на закрытые глаза. Там, за опущенными веками штор, пребывали в реальности сна неизвестные Олегу люди. Вспомнился любимый мамой Бунин:

Когда на темный город сходит
В глухую ночь глубокий сон,
Когда метель, кружась, заводит
На колокольнях перезвон, —
Как жутко сердце замирает!
Как заунывно в этот час,
Сквозь вопли бури, долетает
Колоколов невнятный глас!

«Вот только колокольного звона сейчас и не хватает», – усмехнулся про себя Олег и прибавил шагу. До метро оставалась буквально пара кварталов. Высокого человека со странно вытянутой головой он заметил не сразу. Сперва из двора, мимо которого проходил Олег, донеслось громкое «кыс-кыс-кыс!», а потом в темном провале между глыбами домов возникла нелепая, вихляющая фигура с болтающимися отдельно от тела руками. «Кыс-кыс-кыс!» – свистящим шепотом снова произнес человек. «Придурок какой-то, – подумал Олег. – Кто ж сейчас в Москве кошку на улицу выпускает? Давно уж, небось, на шапку пошла». И сразу стало почему-то жалко этого нескладного жердяя, что ни свет ни заря выперся искать своего Барсика или Мурзика. «Наверняка живет один, болеет. Инвалид небось – вон как вышагивает. А единственная живая душа в доме – кошка – сбежала. Вот и сорвался искать, а той уже и след простыл». Невеселые мысли заставили Олега пойти медленнее. Он уже готов был едва ли не броситься на помощь кыскающему человеку, но тут на третьем этаже нависшего над улицей многоэтажного старого дома вспыхнуло окно и желтый прямоугольник света лег на серебряный от инея тротуар у ног незнакомца.

– Кыс-кыс-кыс! – отчаянно прошипел он и неожиданно резво бросился в густую тьму подворотни. Олег недоуменно повертел головой в поисках того, что могло так напугать неизвестного, но ничего не заметил и продолжил свой путь.

...Чтобы попасть в метро на станцию «Сухаревская», нужно было спуститься в подземный переход. Каменные ступени покрывал лед, и Олег, вопреки обыкновению, спускался медленно, стараясь не поскользнуться. «Сошествие в ад», – мелькнула вдруг в голове неожиданная мысль. Он остановился. Залитый мертвым электрическим светом зев перехода выглядел совершенно обычно, но Олег чувствовал – что-то не так. Он ехал на спуск всегда если не в приподнятом настроении – дыры не любят жеребьячества, – то по крайней мере спокойным. Сейчас же на душе лежал камень. Но даже не это насторожило Олега. Он неожиданно понял, что боится. Страх, противный, липкий страх, мешал сосредоточиться, взять себя в руки, успокоиться. «Может, вернуться?» – подумал Олег, но вспомнил насмешливый голос Сони, ее улыбку, глаза, в которых скакали веселые чертенята, и решительно сбежал вниз по лестнице. Сомневаться, бояться, отступать – поздно! Слово было сказано, а раз так, значит, дело должно быть сделано.

Стеклянные двери метро оказались заперты. Олег посмотрел на часы – до открытия оставалось еще десять минут. Опершись рюкзаком о кафельную стену, он достал сигареты, повертел пачку в руках и снова сунул в карман. Перед спуском лучше не курить. Табак притупляет обоняние, и ты можешь не почувствовать запаха газа, скопившегося в пещере. Олег слышал от опытных спелеологов жутковатые истории о задохнувшихся или сгоревших заживо коллегах. Правда, в разлогинской дыре никто и никогда не обнаруживал газовых подушек, но бережного и бог бережет, особенно под землей.

Время тянулось медленно. Чтобы отвлечься и успокоиться, Олег мысленно перебрал все свое снаряжение, от комбеза и изотермика до ЕКЛМН² и пенки. Вроде все в порядке, он ничего не забыл, да и лишнего не прихватил. Самое же главное – новенький, только вчера подаренный отцу гарминовский GPS-навигатор – лежал во внутреннем кармане куртки и ждал своего часа. На навигатор Олег возлагал большие надежды. Собственно, если бы не хитроумный приборчик, сегодняшнего спуска не состоялось бы. Олег шел в дыру не ради спортивного интереса и не из любопытства. Спор, пари, заключенное две недели назад, а в свидетелях – весь их спелеоклуб. Но главное даже не само пари, а то, с кем оно было заключено.

Соня. Соня Разумовская. Синие насмешливые глаза из-под рыжей челки, точеная фигурка, острый язычок. В общем, все понятно и без слов...

И тут Олег почувствовал чей-то взгляд. Это было неожиданно – и жутко. Кто-то пристально смотрел на одинокого человека в переходе. Стену напротив дверей метро занимали ларьки, торгующие всякой всячиной, но свет в них не горел – слишком рано. В одном из ларьков и сидел неизвестный, рассматривая Олега из-за витринного стекла. Пошарив глазами, Олег нашел его. Белое лицо, вязаная шапочка надвинута на глаза. Голова торчит над прилавком, между китайскими фарфоровыми безделушками и отечественной гжелью.

– Козел, – раздраженно выругался Олег и отвернулся. Ночной сторож, наверное. Хочет смотреть – пусть смотрит. Через три минуты метро откроется, и Олег уедет. «Навстречу судьбе», – снова возникла в голове непрошенная мысль. Он скрипнул зубами и против воли глянул на человека за стеклом. – Смотришь, гад? Взять бы кирпич да устроить тебе... вентиляцию помещения!

Переход мало-помалу оживал. Быстрым шагом мимо прошла утренняя бегунья от инфаркта в спортивном костюме, с помятым со сна лицом; пожилой мужик с двумя таксами на поводках недобро зыркнул на Олега из-под козырька кепки-лужковки; целая компания торговцев, обвешанных баулами, расположилась поодаль, ожидая открытия метро. По улицам пошли машины, и привычный гудящий отзвук заполнил собой все подземное пространство, заставив Олега поморщиться. В пещерах такого нет. Там безраздельно властвуют две королевы: тишина и темнота.

² ЕКЛМН – еда – кружка – ложка – миска – нож (спелеологический сленг).

В ларьках начал зажигаться свет – пришли продавцы. Вспыхнули лампы и там, откуда за Олегом следил неизвестный в шапочке. Прищурился, Олег внимательно посмотрел на него, стараясь на всякий случай запомнить лицо, и усмехнулся. «Да, гражданин Марьин, нервишки-то того... Надо ж было перепутать пластиковую голову манекена с живым человеком».

Наконец двери открылись, и Олег, опередив и торговцев, и пьянчугу, у которого из-под кожаной куртки торчала мятая белая рубашка, устремился к турникету. Вскоре он уже стоял на платформе, а еще через пару минут совершенно пустой поезд умчал его во мрак тоннеля. До «Теплого Стана» ехать предстояло без малого сорок минут. Олег надел наушники, включил «Мельницу», закрыл глаза и под голос Хелависы³ унесся в сказочный, фантастический мир, «туда, где ходила ночная кобыла»...

Жизнь Тамары Поливановой до последнего времени была простой и понятной. Нет, она не шла по ней, пританцовывая и смеясь, как многие ее сверстницы, но и не тащилась, стелая и жалуясь на злодейку-судьбу. Тамара твердо печатала шаг, уверенно двигаясь к любой из намеченных целей. При этом ее плотно сжатых губ редко касалась улыбка, а в карих глазах, надежно скрытых за стеклами очков, всякий мог при желании увидеть сильную волю и несгибаемый характер. По крайней мере самой Тамаре очень хотелось, чтобы все выглядело именно так, и она прикладывала массу усилий, формируя и поддерживая имидж «железной леди».

В общем-то поэтому и стезю себе Тамара избрала несколько странную для современной девушки – после школы она поступила в Институт криптографии, связи и информатики при Академии ФСБ России. Факультет прикладной математики едва ли помнил в своих стенах такого прилежного и успевающего студента, как Тамара. Получая диплом о высшем образовании, она не очень удивилась предложению стать сотрудницей одной из самых могущественных спецслужб мира. Мало того, как раз отсутствие такого предложения могло бы вызвать, нет, не удивление (удивление – слишком сильное чувство, а Тамара не позволяла себе этого) – скорее легкую досаду.

Дома, вручив матери диплом, новоиспеченная чекистка поставила домашних в известность – с завтрашнего дня она работает в информационно-аналитическом отделе центрального аппарата Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Мать охнула, отчим полез за бутылкой. Старший брат Андрей впервые в жизни посмотрел на Тамару с удивлением и уважением.

Потом она часто ловила на себе такие взгляды – уж очень не вязалась ее внешность – рост метр шестьдесят, ретроприческа а-ля Мирей Матье, очки, худенькие плечи – с созданным телевидением и Голливудом образом сотрудника спецслужб.

Но через год все это – работа, отношение окружающих, статус, тщательно выглаженная форма – превратилось в рутину. Тамара хотела идти вперед, повышать уровень, быть нужной и полезной, штурмовать новые вершины. В конце концов, она привыкла к такой жизни, жизни победителя!

Вместо этого ей приходилось целыми днями сидеть в аппаратной и следить за работой серверов группы информационной поддержки, по сути, выполняя обязанности системного администратора. Поэтому, когда был объявлен набор на внутренние полугодичные курсы подготовки для сотрудников отдела, она приложила все усилия, чтобы попасть на них, – и попала.

Но то, насколько она «попала» реально, Тамара осознала только сегодня, после происшествия в блоке «А». Впрочем, поначалу все шло просто прекрасно. Закончив курсы с отличием – а разве могло быть иначе? – она получила погоны старшего лейтенанта и назначение на годовую стажировку в загадочное управление «Т», о котором сослуживцы по отделу гово-

³ Хелависа – творческий псевдоним Натальи О'Шей, лидера культовой фольклорной группы «Мельница».

рили с плохо скрываемым уважением, смешанным с легкой завистью. По слухам, в управлении занимались оккультистикой, психоэнергетикой, парапсихологией, телекинезом и чуть ли не ловлей летающих тарелок.

В программе курсов был небольшой – всего неделя – раздел, посвященный специфике этого одного из многих подразделений ФСБ, но все ограничилось азами эзотерики, историей попыток применения аномальных способностей человека в военном деле и демонстрацией нескольких учебных видеороликов.

В управлении Тамару приняли сдержанно, если не сказать – холодно. Кадровик, напоминающий борца-тяжеловеса, майор с изуродованным шрамами лицом, принял документы, полистал для проформы личное дело и объявил, что стажировку старший лейтенант Поливанова будет проходить у старшего гвардмейстера полковника Чеканина, который ждет ее в кабинете номер тридцать шесть.

На лестнице Тамаре встретилось несколько человек, будущих сослуживцев. Это были молодые люди в гражданской одежде, менее всего походившие на сотрудников ФСБ. Они курили, разговаривали, громко смеялись, а увидев Тамару, разыграли целое шутовское представление. Особенно старался один, длинноволосый, разболтанный юноша, похожий на рок-певца: «Мадемуазель, позвольте предложить вам мои скромные услуги в качестве гида, ибо здешние коридоры кишат страшными опасностями и без опытного провожатого ходить по ним опасно».

Когда с совершенно испорченным настроением Тамара добралась наконец до кабинета Чеканина, ее ожидал еще один удар. Вместо бравого полковника, матерого безопасника перед ней предстал лысоватый дядечка с седой бородкой, одетый в крупновязанный свитер. На вид ему можно было дать и сорок пять, и все шестьдесят лет. По мнению Тамары, так должен был выглядеть престарелый бард, какой-нибудь ветеран КСПшник, библиотекарь, на худой конец, но никак не полковник ФСБ. В довершение всего звали Чеканина чудно и нелепо – Терентием Северьяновичем. Но окончательно добились девушку слова, с которыми обратился к ней новый начальник.

– Душа моя, – сказал он, – убедительно попрошу вас на службу в форме не ходить. У нас, знаете ли, работа творческая, затейная, так что мы стараемся без формализма. Ву комправе?

– Так точно. То есть да, – выдавила из себя Тамара.

– Вот и ладненько, – потер короткопалые ладони полковник. На безымянном пальце правой руки блеснул массивный золотой перстень с красным камнем. – Чайку не желаете?

Так началась служба на новом месте. Целую неделю Тамара занималась всякой, с ее точки зрения, ерундой – сидела в архиве и подшивала в папку рапорты о перечаровке за прошлый год. Словечко это – «перечаровка» – беспокоило девушку. Смысла его она не понимала, а без этого текст рапортов превращался в какую-то китайскую грамоту: «Объект – телевизор «Самсунг cs 2032 mv». Основание для перечаровки – станд. заявление владельца гр. Самсоновой В.К. Исполнитель – гвардмейстер к-н Шукин. Время перечаровки – 34 мин. В процессе перечаровки вид биоэнерг. структ. не опред. Полное разложение на энерг. потоки зафиксир. Накопит. батареи разряжены. Коллектор очищ.». Число и подпись.

Временами Тамара готова была разреветься от обиды. Она не видела смысла в своей работе и из-за этого чувствовала себя ненужной, лишней. Ее готовили к серьезным делам, а вместо этого сослали в архив. Нет, конечно же, слез на людях, да и в одиночестве, она себе никогда бы на позволила, это не в ее характере, но так дальше продолжаться не могло. «Надо что-то делать!» – решила Тамара и обратилась к заведующей архивом Наталье Петровне, дородной даме с бородавкой на верхней губе, целыми днями болтавшей по телефону с подругами:

– Вы не могли бы дать мне какую-либо более содержательную работу?

– Милочка! – рассмеялась Наталья Петровна, – вы мне решительно нравитесь. Инициатива, как известно, наказуема, и вы это, безусловно, знаете. И тем не менее обращаетесь ко мне с подобными просьбами. Это что-то! Ну, будь по-вашему. У нас верхние полки постоянно покрываются пылью. Прямо беда. Стихийное бедствие. Вот вам задание: очистить архив от пыли. Приступайте!

И, похохатывая, заведующая удалилась в свой кабинет.

– Я не буду плакать! Я не заплачу! – несколько раз вслух произнесла Тамара дрожащим голосом и отправилась за ведром и тряпкой. Спас ее Женя Стеклов, тот самый шутник, что встретился Тамаре на лестнице в первый день. Стеклов носил длинные волосы, потертые джинсы, имел звание лейтенанта и прозвище Джимморрисон за портретное сходство с рок-легендой.

– Поливанова, срочно в блок «А»! – крикнул он, распахнув дверь архива. – Северьяныч вызывает. Перечаровка! Высшая категория!

Из кабинета выглянула заведующая архивом.

– Женя, что случилось?

– Наталь Петровна, похищаю вашу послушницу, – улыбнулся Джимморрисон. – Пора ей пороху понюхать.

– Пора, ой пора! – кивнула заведующая и затворила дверь.

Тамара не шла – летела по коридору. «Перечаровка! Пороху понюхать! Высшая категория! Наконец-то!» – звенело у нее в голове. Стеклов петляющей походкой шагал впереди, с клоунскими поклонами открывая перед девушкой двери. Блок «А» находился в одном из подвальных этажей здания управления. Это был большой зал, изнутри экранированный блестящими листами меди и забитый разнообразной аппаратурой. Когда Тамара и ее провожатый вошли, в блоке уже собралось человек десять. Гудели трансформаторы, по мониторам бегали цветные кривые и скакали цифры. Чеканин, сменивший свитер на блестящий комбинезон, расхаживал позади сидящих за пультами людей и время от времени задавал непонятные вопросы, получая на них не менее загадочные ответы.

– Амплитуда?

– В норме.

– Энергетический баланс?

– Рабочий уровень.

– Батареи?

– Полный заряд.

– Объект?

– На ленте.

И так далее...

– Компьютер из штаба Дальневосточного военного округа, – прошептал на ухо Тамаре Стеклов. – Подозрение на активированного гварда высшей категории. Скорее всего китайский или, что еще вероятнее, мимикрия под Китай.

С удивлением обернувшись, Тамара заметила, что с Джимморрисона слетела его всегдашняя маска шутника-студента. Лейтенант побледнел, слова произносил быстро и четко, без всякого ерничества.

– Поливанова! – Чеканин повернулся к ним, махнул рукой в сторону огороженного помоста в углу зала. – Идите туда. Наблюдайте. Потом поделитесь со мной вашей субъективной оценкой. Стеклов! К турели.

Лейтенант судорожно сглотнул и бросился к возвышающейся посреди зала установке, напоминающей одновременно телескоп и скорострельный зенитный автомат.

Тамара поднялась на помост в тот момент, когда Чеканин коротко гаркнул:

– Начали!

Из дыры в стене выплыл, покачиваясь на резиново-металлической ленте транспортера, обыкновенный ноутбук с откинутой крышкой. На экране мотался туда-сюда какой-то разноцветный скринсейвер. Все замолчали, лишь звуки работающих приборов и жужжание транспортера нарушали тишину, воцарившуюся в блоке «А». Ноутбук дополз до полированной металлической плиты, установленной в центре, и съехал на нее по пандусу.

– Стеклов? – Чеканин посмотрел на Джимморрисона.

– Готов, Терентий Северьянович! – ответил лейтенант, не отрывая глаз от окуляра прицела.

– С Богом!

Стеклов нажал гашетку, и установка зашипела, как пробитое колесо. Из раструба потекли густые струи жидкого азота, затем над плитой возникло зеленоватое свечение, окутавшее ноутбук.

– Напряжение поля растет! – отрывисто произнес кто-то из сидящих за мониторами.

– Готовьте колпак! – приказал Чеканин. Тамара посмотрела на него и про себя ахнула – куда делся престарелый бард-КСПшник? Перед нею замер, впившись взглядом в ноутбук, не человек – зверь, причем зверь хищный; сейчас он готовился броситься на свою добычу.

Неожиданно зал наполнился гулом голосов. Операторы одновременно начали выкрикивать:

– Энергия – рост!

– Поле – рост!

– Амплитуда за шкалой!

– Коэффициент «Н» – выше двух нулей!

– Выход! Выход! Выход!

И все покрыл громовой рык Чеканина:

– Колпак – товсь! Стеклов – огонь!

Из раструба ударил поток ослепительного белого света. Тамара невольно прищурилась, как от электросварки, подняла руку, пытаясь защитить глаза, но так и застыла, потому что ноутбук вдруг побелел, подернувшись инеем, и прямо из него, из черной клавиатуры, как из люка, высунулась серая паучья лапа, покрытая жесткими волосками. Вот только толщиной эта лапа была с пожарный шланг и заканчивалась кривым блестящим когтем.

Тамара почувствовала, что у нее подкашиваются ноги. Вся стройная картина мироздания, сложившаяся за двадцать три года жизни в ее голове, начала рушиться, потому что жуткая лапа не вписывалась в нее, она просто не могла быть, но однако же – была. Мало того, следом за первой появились вторая, третья – и через мгновение восемь паучьих лап, омерзительно суставчатых, подергивающихся, уперлись в металл, готовые поднять – откуда? из ноутбука? – нет, из снежного холмика, возникшего на месте компьютера, тулово некоего неизвестного, но, безусловно, ужасного и отвратительного существа.

– Мамочка... – просипела Тамара, хватаясь рукой за поручень.

Она уже не слышала голосов, звучащих в зале, не обращала внимания на то, что установка, управляемая Джимморрисоном, перестала источать свет и странно накренилась, а из трансформаторных блоков у дальней стены валит густой дым. Ледяная стужа заполнила блок «А», замигали оранжевые тревожные лампы, взвыла сирена, и тут монстр – а это был именно монстр, урод, тварь, рожденная извращенным воображением сумасшедшего генетика, – вознес себя над плитой, представ перед пытающимися обуздать его людьми во всей красе.

Закованное в граненый панцирь тело раскачивалось между хищно напружиненных лап, кольчатая желтоватая шея вознеслась едва ли не под потолок, а венчающая ее человеческая голова повернулась к Тамаре, и мертвенно-серые, подернутые пеплом глаза заглянули, казалось, в самую душу.

– Пресс! – заорал Чеканин, длинным прыжком подлетел к красному рубильнику, укрепленному на стойке, и рванул его. Потолок раздвинулся, и серебряная шайба двухметровой толщины рухнула оттуда, придавив изготовившуюся к прыжку тварь. Волосатые лапы остались торчать наружу, и когти в бессильной злобе скребли металл, оставляя глубокие борозды. Но девушка ничего этого не увидела – она потеряла сознание...

Очнулась Тамара от того, что кто-то настойчиво совал ей под нос ватку с нашатырем. Машинально оттолкнув руку, она села и так же машинально поправила юбку. Перед глазами все плыло. Блок «А» был в дыму, запах горелой проводки пробивался даже сквозь резкую вонь нашатыря. Несколько человек уносили кого-то на носилках.

– Душа моя, а ты молодец. Долго продержалась, почти до конца, – услышала Тамара голос Чеканина и повернула голову. Полковник сидел рядом с ней на корточках и улыбался.

– А это... кто? – прошептала Тамара и взглядом показала на носилки.

– Стеклов. Прошел боевое крещение. С ним все будет в порядке, просто шок, последствие ментоудара гварда. Тебя-то краем только задело, а ему весь заряд достался.

Чеканин поднялся, подал Тамаре руку.

– Пойдем-ка ко мне. Тебе надо прийти в себя. Заодно и побеседуем.

До стоянки, расположенной на Ивановской площади, нужно было идти пешком. Канаев запахнул плащ и не спеша побрел по асфальтовой дорожке вдоль Большого Кремлевского дворца. Над его седеющей головой кружилась в сером московском небе одинокая птица. Странный силуэт с коротким хвостом и выгнутыми, серпообразными крыльями привлек внимание владельца холдинга «Кошкин дом». Канаев остановился, прищурился, наблюдая за незнакомым и явно не городским крылатым созданием. Референт, двигавшийся позади, на почтительном расстоянии, ускорил шаг, вопросительно глянул на босса, но тот смотрел в небо. Проследив его взгляд, референт заметил птицу и негромко сказал:

– Леонид Дмитриевич, это сокол. Балабан. Орнитологическая служба Кремля содержит четырех таких птиц – для защиты куполов храмов от ворон.

– Зачем? – удивленно спросил Канаев, продолжая следить за ныряющим полетом сокола. – У нас что, ворон к сатанистам приравняли?

– Они скатываются по пологим склонам куполов, цепляясь коготками, и сдирают позолоту. – Референт позволил себе легкую полуулыбку. – Как говорил Сервантес, если бы все, что блестит, было золотом, оно стоило бы намного дешевле.

– Золото, золото. Охренели уже все с этим золотом... – проворчал Канаев, продолжая путь.

Совещание у президента оставило в душе олигарха неприятный осадок. Но последней каплей, окончательно испортившей настроение, почему-то стал парящий в небе сокол.

– Ворон гонять у них деньги есть, – бормотал Канаев, широко шагая по мокрому асфальту.

Вышколенный референт снова отстал – он работал с Леонидом Дмитриевичем пятый год и хорошо изучил характер своего босса.

Повернув налево, Канаев прошел мимо темной ступы Царь-колокола и ступил на брусчатку Ивановской площади. Его машину, серебристый широкий «линкольн», было видно издали. На фоне темных «мерседесов» и «БМВ» других участников совещания он выделялся, как полярный волк в стае бродячих собак. Канаев усмехнулся – пришедшая на ум метафора была, мягко говоря, излишне пафосной. Да и сравнивая эксклюзивные изделия, вышедшие из недр немецкого автопрома, с беспородными шавками, он, конечно же, хватил через край. Но уж больно не по сердцу Канаеву было все немецкое, не исключая автомобилей.

Бодигард, шедший позади, рядом с референтом, ускорил шаг, забежал вперед и открыл тяжелую, бронированную дверцу лимузина. Канаев, не глядя по сторонам, скинул плащ на

услужливо подставленные руки – он терпеть не мог верхнюю одежду в машине – и ввалился в удобное, приятно пахнущее нутро «линкольна». Автомобиль был изготовлен по его заказу, и с серийными однофирменниками его связывала, пожалуй, только эмблема на капоте.

Референт, мягко захлопнув дверцу, обежал машину и сел в кресло позади водительского сиденья, лицом к боссу. Вытащив из кейса ноутбук, он вопросительно посмотрел на Канаева.

– Подготовь два письма, – раздраженным баском произнес олигарх, глядя в окно. – Одно – в администрацию президента, другое – китайцам. В первом попроси отсрочки платежей на месяц, во втором – сообщи, что мы согласны вложиться на их условиях. Деньги должны работать, мать их... Саша, поехали!

– На Бережковскую? – спросил водитель.

– Домой, – устало ответил Канаев и прикрыл глаза, сжав кожаный подлокотник сиденья.

Неожиданно заиграл телефон в кармане референта. Мелодия заставила Канаева вздрогнуть и открыть глаза. Он хорошо знал, кто его вызывает. Знал это и референт. Вытащив трубку, он протянул ее боссу, но тот вдруг нахмурился и коротким жестом показал – нет, говорить не буду.

– Алло! Владимир Владимирович? Добрый день. Вы знаете, Леонид Дмитриевич сейчас не может подойти. Да, хорошо, передам. Всего доброго, до свидания!

– Отключи! – буркнул Канаев. – Оборзели! Три часа руки выкручивали, как в гестапо, и опять звонят. Я что, рисую их, эти деньги? Этим дай, тем дай! И зачем только мы...

«Линкольн» между тем вырулил со стоянки и через Спасские ворота покинул Кремль. Мелькнула и осталась позади многолюдная Красная площадь; лимузин спустился на набережную, быстро вывернул на мост и рванулся прочь от центра города. Позади пристроился джип охраны, вперед, сверкая мигалкой, вырулила машина ДПС.

– Налей-ка... водки, грамм сто пятьдесят.

Референт откинул столик, быстро сервировал его. Из холодильника появилась бутылка «Полярной звезды», блюдец со строганиной, серебряная мисочка с икрой, отдельно, в плетеной корзинке, ароматный бородинский хлеб.

Канаев протянул руку, сжал крепкими пальцами граненый стакан – он не любил тонкой посуды и считал, что ничего лучше для водки, чем сдизайнированный Верой Мухиной стакан, не придумано, – шумно выдохнул, но выпить не успел. На этот раз звонил его собственный, «семейный» телефон. Досадливо крикнув, Канаев сунул стакан референту и вытащил трубку.

– Да. Кто это? К-какой... Что? Как вы узнали номер? Ах вот так? Да пошел ты!

Выпучив глаза и побагровев, Канаев уже был готов швырнуть телефон, но неизвестный собеседник олигарха, видимо, сказал нечто такое, что заставило того остаться на связи. Часто дыша, он некоторое время слушал, потом тихо, четко выговаривая слова, произнес:

– Хорошо. Да, давайте. Приезжайте ко мне... скажем, послезавтра к семи. Охрана будет предупреждена. Обсудим все спокойно и примем решение. Всего хорошего!

Сунув трубку в карман, Канаев некоторое время сидел, тупо глядя перед собой, потом вытер рукавом пиджака вспотевший лоб, выхватил у вопросительно вытаращившегося референта стакан, выпил и, не успев закусить, сиплым от водки голосом приказал:

– Собери мне всю информацию по некоему Хорсту Убелю. Он представляет немецкую компанию «Шварцен Форричтанг». Кто, что, когда родился-женился – в общем, все.

– Пояснения будут? – деловито уточнил референт, делая пометки в блокноте.

– Нет... – задумчиво ответил Канаев и поставил пустой стакан на откидной столик.

Глава вторая

Спелеологией Олег увлекся давно. Еще в седьмом классе он и двое его друзей, начитавшись газетных статей о подземной Москве, решили проникнуть в катакомбы, якобы имеющиеся под столицей. С этой целью были тщательно обшарены подвалы всех соседних домов, и в одном из них начинающим диггерам повезло: они обнаружили люк, а под ним – шахту и лаз, уводящий в таинственный мрак подземелий. Олег пошел первым, обдирая локти и колени о грязный бетон, и скоро застрял в переплетении кабелей. Товарищи его испугались, бросились за родителями, те вызвали спасателей из МЧС, и все закончилось вовсе не так, как предполагали ребята. Сюжет о вызволении подростка из кабельного штрека показали по телевидению с унижительным и нечестным комментарием: «Жертвой собственного любопытства стал московский школьник, попытавшийся найти в одиночку библиотеку Ивана Грозного». Олег получил от родителей по первое число и неделю домашнего ареста в придачу, да еще и заработал дурацкую кличку Библиотекарь.

Но все это было давно и, как говорится, неправда. При родной школе давно существовали спелеологический клуб «Морион», куда Олег без колебаний и записался уже через год. Руководил клубом легендарный среди любителей подземного туризма бывшего Советского Союза человек – Григорий Валентинович Афанасьев, широко известный в узких спелеологических кругах как Старик. Основательный, крижистый, спокойный, он, казалось, побывал во всех известных пещерах Европы и Азии, сам открыл несколько дыр, как именовали пещеры спелеологи, а выйдя на пенсию, набрал ребят, организовал клуб и учил теперь юных москвичей премудростям подземной науки.

Первые спуски Олег и другие морионцы делали в Сьянах, потом были Кисели, Никиты и другие известные каждому начинающему спелеологу подмосковные дыры. В Сьянах Олег прошел «пещерное крещение», там же впервые услышал леденящие душу истории о Белом спелеологе. Дальше – больше: летом Старик повез морионцев в Крым, на следующий год на Урал, потом на Алтай. К окончанию школы Олег был уже далеко не новичком в спелеологии и сам водил группы «чайников» в те же Сьяны, «к Аристарху⁴ в гости».

...Пока поезд метро нес Олега через весь город, столица проснулась. На станциях стало многолюдно, вагон наполнился пассажирами. Невыспавшиеся, хмурые москвичи отрешенно смотрели в темные окна, кто-то читал, молодежь подергивала головами в такт звучащей в наушниках музыки.

«Теплый стан» встретил Олега шумом и толчеей. Олег выбрался из вагона, протолкался через людское месиво к эскалатору и поднялся наверх. Город по-прежнему окутывал густой туман. По улицам тащилось нескончаемое автомобильное стадо. По счастью, в сторону области дорога была не так загружена, и маршрутка, следующая до Зареченска, довольно быстро добралась до кольцевой дороги.

На остановке, перед тем как сесть в оранжевую «газель», Олег не удержался и все-таки выкурил сигарету. Пока он глотал горьковатый дым, взгляд его привлекла лежащая у газетного киоска собака. Большой рыжий пес, каких в последние годы развелось в Москве великое множество, казался спящим, но что-то в его позе заставило Олега присмотреться к собаке внимательнее. И вдруг он понял, что пес мертв и у его трупа копошатся крысы...

От Зареченска, небольшого городка в часе езды от Москвы, путь Олега лежал в Залогово, полузаброшенную деревеньку на берегу речки Камаринки. Потратив еще двадцать минут на тряску в холодном «пазике», он вышел на перекрестке и, вдев руки в лямки рюкзака, отпра-

⁴ Аристарх – неполный человеческий скелет, находящийся в подмосковных Сьянских пещерах, «подземный страж» (спелеологический фольклор).

вился по снежной целине к реке, туда, где в свете разгоравшегося дня высился пологий холм, поросший редким ивняком. К этому моменту на душе у Олега, несмотря на все тревоги и неприятные моменты этого утра, воцарилось спокойствие. Первая часть его плана уже была выполнена. Правда, оставалось самое сложное, но, как говорится, дорогу осилит идущий.

Олег добрался до склона холма и остановился. На берегу замерзшей речки застыл гусеничный трактор и железные сани с синей строительной будкой. Внизу, шагах в тридцати, надежно укрытый зарослями тальника, находился «их» вход в Разлоги. Вот только никакой он теперь уже был не секретный... Завтра, ну максимум послезавтра вход замуруют, и пещера станет недоступной.

Снег вокруг, да и по всему склону, выглядел нетронутым, лишь у кустов виднелись отпечатки птичьих лап. Спустившись вниз, Олег быстро переоделся, уложил в рюкзак «городские» вещи, затянул ремешок каски. Потом он пучком ивовых веток подмел снег вокруг кустов и на четвереньках полез в темную земляную дыру, волоча за собой рюкзак. Перед спуском Олег привычно отметил время – часы показывали 8:54. Над Подмосковьем разгорался новый день, второе декабря.

Кабинет Чеканина походил на декорацию к фильму о тридцать восьмом годе. Дубовые панели, воощеный паркет, тяжелые портьеры на окнах, кожаный диван, сейф и огромный стол с черной эбонитовой лампой на нем. Помимо лампы Тамара заметила также письменный прибор полированного гранита, несколько старинных дисковых телефонов и могучее чугунное пресс-папье каслинского литья в виде головы витязя из «Руслана и Людмилы». Впрочем, детали обстановки кабинета она отмечала машинально, а перед глазами все стояли мерзкие паучьи лапы выбирающегося из компьютера гварда.

– Давай-ка, душа моя, на диванчик, вот сюда, – заботливо проговорил Чеканин, усаживая девушку. – Сейчас чайку сообразим. О, да ты дрожишь вся. Ай-яй-яй, ну нельзя же быть настолько впечатлительной. Тебе что же, на курсах о нашей специфике не рассказывали?

– Т-только т-теоретически, – стуча зубами, ответила Тамара.

– «Т-теоретически», – очень похоже повторил полковник и вздохнул. – Да уж... И что прикажешь теперь с тобой делать? С такими нервишками, душа моя, тебе в бухгалтерии впору сидеть или в кадрах.

– Я... Я уже... Все в порядке. Это просто... Просто первый раз потому что! – Тамара вскочила, одернула юбку. – Терентий Северьянович! Пожалуйста! Не надо в бухгалтерию.

– Ну-ну. – Чеканин улыбнулся, извлек из ящика стола вполне современный электрический чайник, наполнил его водой из графина и воткнул в розетку.

– Нам, понимаете, на курсах только один раз запись показывали. Сказали – рутинный пример перечаровки.

– И что же ты увидела, позволь узнать? – Чеканин иронически поднял лохматую бровь и посмотрел на Тамару.

– Пятна какие-то. Люди в белых халатах. Контейнер УУ-9. И все.

Полковник рассмеялся.

– Душа моя, раз уж ты прошла «т-теоретическую» подготовку, то должна помнить, что гварда невозможно заснять ни на один носитель. У них принципиально иная энергетическая структура. Да и универсальные уловители девятой модели лет пятнадцать уже как не используются. Тут не тебя, тут преподавателей и методистов, составлявших программу, в бухгалтерию впору отправлять. Обязательно зайду завтра к Богданову.

– Вот-вот, – обрадованно закивала Тамара. – Мы же старались. Кто ж знал, что они... что он...

От пережитого ужаса девушку снова передернуло. Чеканин внимательно посмотрел на нее и задумчиво пробормотал:

– Пожалуй, тут одним чаем не обойдешься.

Открыв сейф, полковник вынул из него початую бутылку коньяка, блюдо с нарезанным лимоном и две хрустальные рюмки.

– КВВК! Из старых запасов. Самое лучшее лекарство от стрессов, нервов, давления и... И от всего остального. Прими-ка, душа моя.

– Да я не пью, – робко прошептала Тамара.

– А я разве предлагаю тебе выпить? – нахмурился полковник, и в голосе его послышался металл. – В настоящий момент, стажер Поливанова, вы получили приказ вышестоящего начальства: принять... э-э-э... принять лекарство. Ваши действия?

– Слушаюсь! – выдавила из себя Тамара, зажмурилась и вылила содержимое рюмки в рот.

– И лимончик! Обязательно лимончик! – Чеканин подал блюдо, подмигнул и тоже выпил.

Вопреки ожиданиям коньяк оказался вовсе не противным. Обжигающая ароматная жидкость согрела Тамару, в голове прояснилось, и она с удивлением поняла, что уже может вспоминать о произошедшем в блоке «А» без содрогания.

– Почти семьдесят лет этим вот, – полковник кивнул на бутылку, – наша служба только и жива. Иначе никак.

– Семьдесят лет? – удивленно переспросила Тамара. – А нам говорили, что управление «Т» в конце шестидесятых годов создано...

– Хе-хе. – Чеканин выключил закипевший чайник, убрал коньяк и уселся за стол. – Управление-то – да, оно в шестьдесят восьмом организовано, при Андропове. А служба, служба наша гвардмейстерская, она, душа моя, с сорок первого года, с «Корнуолла», с «дома Некрасова» отсчет ведет.

– А кто такой Некрасов и при чем тут Корнуолл? Это же в Англии?

Чеканин снова захехекал. Видно было, что он не прочь поговорить. Коньяк ли был тому виной или опытный гвардмейстер хотел успокоить неофита, отвлечь от пережитого – Тамара не очень поняла, да и не пыталась понять. Ей было уютно и покойно на скрипучем кожаном диване, мягкий свет лампы создавал в кабинете приятный полумрак, за портьерами приглушенно шумела вечерняя Москва.

– «Корнуолл» был большим паровым угольщиком, возившим кардиф из Бристоля в Нью-Йорк еще в годы Великой депрессии. – Чеканин достал «Житан», закурил и, выпустив струю голубоватого ароматного дыма, продолжил: – Перед самым началом Второй мировой его подремонтировали, переделали котлы под мазут и выпустили на линию как сухогруз. Капитанил в ту пору на «Корнуолле» старый морской волк Саймон О'Коффин, в Первую мировую командовавший знаменитым английским дестроером «Манчестер», тем самым, что в Ютландском сражении потопил немецкий крейсер «Росток».

Тебе, душа моя, наверное, интересно, зачем это я так подробно рассказываю про этого О'Коффина? Видишь ли, как ни странно, во всей этой истории он едва ли не главный персонаж. Впрочем, не будем отвлекаться. Значит, дело было так: летом сорок первого года некий американец Юджин Стэплтон, банкир и, как это говорится, финансовый воротила, купил в Девоншире дом. Крепкий двухэтажный каменный дом викторианской постройки. У них, душа моя, у воротил, тогда мода такая пошла. Целые замки покупали и перевозили в Штаты – вроде как историческую основу для своей новорожденной цивилизации создавали. Ну, наш Стэплтон на замок замахиваться не стал, да и ни к чему ему замок был. Дом-то этот, девонширский, когда-то его предкам принадлежал. В девятнадцатом веке продал прапрадедушка воротилы родовое гнездо и подался в Америку. За сто лет потомки его разбогатели, и вот теперь частичка «старой доброй Англии» должна была переместиться на новое место, чтобы напоминать отпрыскам Стэплтона об исторических корнях.

Дом аккуратно разобрали, пометили каждый камень, каждый блок фундамента, каждую потолочную балку и черепицу, погрузили на «Корнуолл» и отправили через Атлантику. Конечно, шла война, и каждый корабль был на счету, но Стэплтон заплатил очень хорошие деньги, и правительство Великобритании сочло возможным выделить судно и даже миноносец охранения, дабы древние камни благополучно добрались до Штатов.

Так и вышло, что «Корнуолл», имея на борту двадцать три человека команды и полный трюм девонширских стройматериалов, вышел из Бристоля и взял курс на Нью-Йорк. Надо сказать, душа моя, плавание сразу не заладилось. Сперва в тумане эскортный эсминец и «Корнуолл» потеряли друг друга. О'Коффин, которому было обещано за успешный рейс весьма приличное вознаграждение, тратить время на поиски не стал и наудачу отправился на запад в одиночку. Но спустя еще сутки судовой радист «Корнуолла» принял сигналы бедствия от канадского транспорта «Лабрадор стар». Находясь в двадцати милях прямо по курсу «Корнуолла», канадец подвергся атаке сразу двух немецких субмарин. О'Коффин решил не рисковать понапрасну и повел корабль на север, стремясь обойти опасный район. Как я думаю, он хотел достичь Фарерских островов и далее следовать к Исландии, чтобы потом постепенно спускаться на юг-запад, прижимаясь к канадскому побережью, как каботажник. Ох, душа моя, что, заговорил я тебя, а чай-то стынет...

Полковник поднялся, но Тамара опередила его:

– Сидите, сидите, Терентий Северьянович! Я сама.

– Э нет. – Чеканин улыбнулся. – В моем кабинете чай наливает только хозяйин.

Он разлил кипяток в высокие стаканы, угнездившиеся в серебряных подстаканниках, добавил черной как деготь заварки из фарфорового чайника с длинным носиком, бросил в каждый стакан по дольке лимона.

– Прошу. Так, на чем мы остановились? Ах да, маршрут «Корнуолла»... Значит, у Фарер О'Коффина ждал неприятный сюрприз: прямо на его глазах невесть откуда взявшаяся подлодка потопила американский военный транспорт с грузовиками на борту. В отчаянии «Корнуолл» пошел дальше на север, но в тумане штурман неверно проложил курс, и судно отклонилось к востоку. Когда ошибка стала ясна, было поздно – «Корнуолл» находился в территориальных водах Норвегии, к тому моменту захваченной немцами. Вскоре в небе над несчастным сухогрузом появился самолет-разведчик. О'Коффин проклял все дома мира, весь Девоншир, Америку, американцев и лично Юджина Стэплтона, закрылся в своей каюте и начал молиться. «Корнуолл» тем временем продолжал идти ошибочным курсом, все дальше отклоняясь к востоку. Это их и спасло. Немцам в голову не пришло, что гражданское судно под английским флагом в одиночку, без сопровождения боевых кораблей отважится пройти вдоль побережья Норвегии в сторону Кольского полуострова. Разведчик, выработав топливо, улетел, сообщив на базу Буде о «Корнуолле», и на перехват вышли два эсминца. Но они искали сухогруз к западу от места обнаружения, тогда как судно шло на восток.

В конечном итоге «Корнуолл» забрался настолько далеко, что оказался в полярных владениях Советского Союза. Здесь он едва не стал жертвой линкора «Адмирал Шеер», но в самый критический момент, когда пушки немецкого рейдера уже готовы были отправить «Корнуолл» на дно, «Адмирал Шеер» подвергся атаке советских торпедоносцев, и О'Коффин благополучно довел свое судно до Мурманска. Там ему предложили дождаться любого английского военного корабля и под его охраной следовать на родину, но О'Коффин принял другое решение. Согласно контракту портом назначения «Корнуолла» значился Нью-Йорк, но в документе имелся пункт «Особые обстоятельства», где говорилось, что в форс-мажорной ситуации груз может быть доставлен в любой порт Соединенных Штатов. И О'Коффин, связавшись с британским консулом и заправившись мазутом, направил судно далее на восток, по Северному морскому пути – напрямиком на Аляску.

Плавание было тяжелым. Сложная ледовая обстановка, сильные ветра, холод и нехватка продуктов заставили бы любого другого отказаться от полярного маршрута и вернуться в Мурманск или зимовать на Диксоне, но О'Коффин и его команда были отчаянными мореманами, которым сам Клабаутерманн не брат. Они рвались к вожденной цели и кругленькой сумме с решимостью одержимых, а по их кильватерному следу катилась зима. «Корнуолл» фактически шел по шуге, а временами бестрепетная рука О'Коффина направляла его прямо на свежий лед, встававший под форштевнем судна.

К ноябрю «Корнуолл» достиг острова Врангеля, и, собственно говоря, на этом его плавание заканчивается, и начинается непосредственно история гвардмейстерской службы в России.

Сухогруз попал в жестокий шторм, обледенел, сбился с курса и сел на мель между островами Огетен и Тенежот. На языке местных жителей синуитов, народности, родственной иннуитам-эксимосам, названия этих островов переводятся как Земля-у-края и Земля-за-краем. Собственно, полноценным островом можно считать только Огетен, тогда как Тенежот – всего лишь длинная отмель. В иной год она возвышается над океанскими волнами, но обычно скрыта под водой.

«Корнуолл» било штормом, у подветренного борта росла песчаная гряда, обледеневшие антенны оборвало, а в довершение всех бед полопались рулевые тяги, и сухогруз потерял управление. О'Коффин попытался было сняться с мели самостоятельно, отправив команду перетаскивать камни в кормовой трюм, чтобы облегчить нос, но было поздно – «Корнуолл» намертво врос в песок. Никто на его борту не знал, что той же злосчастной ночью у южного берега Огетена ушла на дно груженная кирпичом и метеооборудованием самоходная баржа «Главсевморпуть-14» – ее открытые трюмы попросту залило гигантскими волнами. Целью баржи была Земля-у-края, на которой согласно приказу с Большой земли следовало поставить капитальное жилье, метеостанцию и стационарный пост связи. Семнадцать человек спаслись на вельботе, почти тридцать – рабочие, полярники, члены команды – погибли. Погиб и назначенный военным комендантом острова майор Старостин. Среди спасшихся был оперуполномоченный НКВД Виктор Михайлович Некрасов. Он и принял на себя командование.

Шторм не утихал трое суток. Шквалистый ветер, ледяной дождь, сменяющийся мокрым снегом, непроглядная мгла – вымокшие, обессиленные люди, чудом избежавшие смерти в морской пучине, вновь оказались на грани гибели. И тогда выжившие метеорологи, связисты и солдаты, по указанию Некрасова, вырыли глубокую яму, перевернули вельбот и сделали из него крышу для своей импровизированной землянки. Им и в голову не могло прийти, что буквально в десятке километров к северу тяжелые штормовые валы перекатываются через палубу сухогруза «Корнуолл», в капитанской каюте которого раскачивается тело повесившегося от отчаяния штурмана, сам капитан О'Коффин и пятеро матросов смыты в океан, а остатки команды забились в кокпит и вповалку пьяны.

Ничто не вечно, закончился и этот шторм. Ударил тридцатиградусный мороз, океан сковало льдом – до весны. Положение людей на острове было отчаянным. Без топлива, без жилища, без продуктов и, наконец, без рации, они неминуемо погибли бы. Но спасение пришло совершенно с неожиданной стороны – утром второго дня полярной робинзонады рядовой Югров, обходя остров, заметил вмержший в лед «Корнуолл». Некрасов, взяв с собой пять человек, отправился осматривать судно. Они обнаружили труп штурмана в петле, заледеневшие тела замерзших моряков в кокпите, а также невеликие запасы консервов, крупы, уголь, мазут – и забитые маркированными камнями трюмы.

Размышлял Некрасов недолго. Из досок и брусьев были сбиты двое саней-волокуш, и зимовщики принялись перевозить стройматериалы на остров. Грелись и спали они в машинном отделении «Корнуолла», где удалось запустить один из котлов. За неделю ураганной работы камень, балки и черепицу доставили на Огетен, и началось строительство. Среди людей Некрасова умельцев возводить дома не оказалось, в цифрах и буквах на камнях они не разо-

брались и поступили просто и разумно – сложили насухую длинный и низкий одноэтажный барак, скотлив из балок перекрытий каркас для стен, а сверху настелив плоскую крышу, крытую листами корабельного железа. Барак имел три комнаты и кухню. Две печи давали достаточно тепла, а консервы, топливо и внутренняя деревянная обшивка «Корнуолла» позволяли продержаться если не до весны, то по крайней мере до конца января.

Самой же ценной находкой с британского сухогруза оказались корабельная радиостанция и приемник из капитанской каюты. В команде Некрасова оказалось трое связистов. Они с помощью остальных зимовщиков сняли с «Корнуолла» и смонтировали в бараке, уже тогда получившем среди островитян название «дом Некрасова», все радиооборудование и динамомашину для зарядки аккумуляторов. Второго декабря в эфир полетели позывные: «Внимание! Говорит Огетен! Говорит станция острова Огетен! Всем, кто меня слышит!»

Поскольку одной из задач станции было обеспечение бесперебойной работы радиомаяка, необходимого для воздушного моста, по которому, согласно соглашению о ленд-лизе, американские истребители с Аляски перегонялись на Чукотку, на Большой земле решили, что даже без метеоплощадки станция на Огетене может продолжать работу. Некрасову сообщили, что необходимое оборудование взамен утонувшего, а также топливо и продовольствие зимовщикам будут доставлены, приказали обустроить взлетно-посадочную полосу и организовать круглосуточное дежурство в эфире.

Кроме связистов из всех зимовщиков только Некрасов умел работать с рацией. Ему пришлось включить себя в состав дежурной бригады и часами сидеть у ключа, каждые пять минут передавая в эфир позывные.

Как-то раз, уже в конце декабря, Некрасову выпало ночное дежурство. Сам Виктор Михайлович, когда рассказывал об этом, неизменно подчеркивал, что допустил оплошность и задремал. Так бывает, когда человек сильно устает – он готов уснуть на ходу, чуть ли не на бегу, а не то что возле теплой печки у рации. Видимо, именно это и сыграло свою роль в том, что гвард решил выйти из своего убежища. Вообще-то биоэнергетические организмы хорошо чувствуют состояние людей и стараются без нужды не показываться нам на глаза. Некрасов проснулся от странных звуков – покашливания, скрипа половиц, бормотания – и понял, что в радиорубке есть кто-то посторонний. Поскольку, кроме связистов, остальным зимовщикам вход в помещение был категорически запрещен, Виктор Михайлович схватился за пистолет и вскочил. То, что он увидел, заставило бывалого энкавэдэшника шархануться к стене: посреди комнаты друг против друга застыли волосатый здоровяк с каменным молотом в руках и шуплый человечек в лохмотьях, вооруженный похожим на серп, изогнутым кинжалом. Не обращая внимания на Некрасова, они вступили в бой, окруженные призрачным сиянием, пробиваемым багровыми вспышками.

«Стоять! Не двигаться! Буду стрелять!» – закричал человек, снимая табельный ТТ с предохранителя. Гигант с молотом зарычал и бросился на Некрасова, норовя размозжить ему голову. Виктор Михайлович выстрелил трижды и, как сам клянется, попал все три раза, но троллю, а волосатое существо было именно им, человеческие пули оказались нипочем. Коротышка с серпом тем временем подскочил сзади и полоснул своим оружием по ногам здоровяка. Тролль резко обернулся и обрушил молот на карлика, буквально размазав его по полу. Это и спасло Некрасова. Он шагнул вперед и ударил тролля рукояткой ТТ в темя. Таким образом, говоря профессиональным языком, он вступил в физический контакт с биоэнергетическим организмом и, на удивление, вышел из схватки победителем. Тролль рухнул на пол, выронив свое страшное оружие. Потом выяснилось, что у Виктора Михайловича имелись скрытые задатки гвардмейстера и энергетически он был сильнее большинства незнатей низших категорий.

Дальше уже не так интересно. Оказалось, что приемник с «Корнуолла», установленный вместе с другим оборудованием в радиорубке, был немецким, фирмы «Телефункен», и

умельцы из седьмого отдела СС перед продажей за рубежи рейха оснастили его гвардом. До поры он скрывался, ожидая возможности проявить себя, но брауни, домовый, обитавший в доме из Девоншира и волей судьбы переселившийся в барак на Огетене, учуял врага и вызвал его на поединок, в котором пал, спасая жизнь человека.

Впрочем, это детали. Главное в другом: Некрасов связался со своим прямым начальством и честно доложил о произошедшем. К этому моменту в НКВД уже было собрано немало информации, касающейся гвардов, и, вопреки ожиданиям, Некрасов не получил ожидаемого нагоняя и обвинений в шизофрении или пьянстве, а был экстренно отозван с Огетена и самолетом доставлен в Москву, где после беседы с Берией получил приказ создать отдел по борьбе с биоэнергетическими диверсантами, сокращенно ОБД.

Чеканин замолчал, подошел к окну, отдернул портьеру и замер, глядя на вечернюю Москву. Тамара так увлеклась рассказом полковника, что на какой-то момент забылась и словно на самом деле оказалась на продуваемом всеми ветрами острове Огетен, побывав в «доме Некрасова» и своими глазами увидев, как гвард из немецкого приемника бьется с британским домовым.

– Душа моя. – Голос Чеканина вернул девушку в реальность. – Ты теперь многое знаешь, поэтому пришло время задать главный вопрос: хочешь ли ты у нас работать? Именно так – хочешь? Приказами тут ничего не решишь. Речь идет о твоём желании. У тебя хорошие задатки, и со временем из тебя может получиться неплохой гвардмейстер. Итак?

Тамара вздрогнула. Перед глазами опять встали покрытые волосками гигантские паучьи лапы. Она уже знала, что ответит, но вслух произнесла другое:

– Я же вроде и так у вас. Год стажировки...

Чеканин ухмыльнулся.

– Эх, душа моя, знала бы ты, сколько таких у нас только за последние шесть месяцев было! Гвардмейстерство – штука тонкая.

– А что с теми... Ну, которых много было? Где они?

– Отправлены в распоряжение центрального отдела кадров ФСБ с формулировкой «для работы в структурах управления «Г» непригоден», – снова ухмыльнулся полковник.

Тамара представила себе это... этот... в общем, это позорище и решительно встала:

– Товарищ полковник! Я согласна.

Глава третья

Разлогинские катакомбы, как и большинство пещер Подмосковья, были по большей части остатками старых каменоломен, поставлявших во времена оные строительный камень для Первопрестольной. Еще в девятнадцатом веке работы здесь прекратились, центральный вход завалило, и постепенно о катакомбах забыли даже местные жители. Заново открыли Разлоги в шестидесятых, но они, в отличие от Сьян или Киселей, не стали таким же популярным объектом подземного туризма. Дело в том, что попасть в пещеры можно было только летом, через полузатопленную нору на восточном склоне Разлогинского холма. Само собой, что в катакомбы спелеологи проникали, вымокнув до нитки. Зимой же, когда вода замерзала, спуститься в Разлоги было попросту невозможно.

Протянувшиеся на многие километры под холмами штреки смыкались с естественными карстовыми пустотами, образуя запутанный, «ныряющий» в глубь земли лабиринт, который еще никто не прошел полностью. Разлоги отпугивали «чайников», но манили профессионалов. Пройти пещеру до конца, «до стеночки», означало внести свое имя в летопись, «стать корифеем».

Желающих было много, но тут Разлоги показали свой крутой и коварный нрав. Бывалые, опытные спелеологи раз за разом спускались в дыру – и возвращались несолоно хлебавши. Карты, составленные ими, Олег видел. Все они противоречили друг другу, словно штреки и каверны Разлогов каждый раз меняли свое местоположение.

А два года назад случилась трагедия: группа из Литвы вместе с коллегами-москвичами ушла на очередной штурм катакомб и попала под осыпь. Два человека погибли, еще четверых отрезало завалом – их вытаскивали почти неделю. После этого по приказу губернатора местные власти залили входную нору двумя самосвалами бетона. Так Разлоги отодвинулись «за круги», став недоступной пещерой.

Конечно, ставить на катакомбах окончательный крест никто не собирался. Охота пуще неволи, в особенности если это охота на неизвестного зверя. Время от времени то одна, то другая группа приезжали на Разлогинский холм и проводили по нескольку дней кряду в поисках нового входа, но все эти попытки были бесплодны. Однако нынешним сентябрем удача улыбнулась подземщикам, причем это были парни из клуба «Морион», куда ходил Олег.

С тех пор прошло больше двух месяцев. За это время морионцы девять раз спускались в Разлоги, картировав двадцать два километра подземелий. Все работы проводились втайне от властей и коллег по увлечению – приказ губернатора никто не отменял. Но каким-то образом морионцев выследили, и найденный ими вход стал известен властям. Старика вызвали на беседу в милицию, ультимативно потребовав не ходить на спуски в Разлоги, а в клуб пришло уведомление от властей Зареченского района, где в несколько издевательской форме сообщалось, что «согласно решению комиссии по туризму и отдыху при губернаторе Московской области 3 декабря сего года доступ в Разлогинские катакомбы будет прекращен».

Морионцы приуныли. Бросать так хорошо «пошедшее» картирование было обидно. Попытки получить официальное разрешение на работу в катакомбах закончились неудачей – никто из руководства области не хотел брать на себя ответственность. В клубе кипели страсти. Предложения сыпались как из рога изобилия – одно другого фантастичнее. Кто-то предлагал скинуться и нанять передвижную буровую установку, из тех, что бурят дачникам скважины под воду, кто-то разрабатывал проект постройки тайного тоннеля от ближайшей деревни до пещер, кто-то доказывал, что нужно прорыть вход из-под воды, как это делают бобры в своих хатках.

Олег во всех этих баталиях не участвовал – валялся дома с ангиной. Холодное пиво под дождем при температуре воздуха плюс один градус, оно, как известно, не очень способствует здоровью. Когда он впервые после болезни пришел в клуб, волна эмоций схлынула – близился

декабрь, а с ним и день «икс». Всем стало ясно, что поделаться ничего нельзя и остается только смириться. И тут Олег вспомнил, что во время последнего спуска в Разлоги, когда они добрались до конца восточного ствола и через шкуродер прошли дальше, в куполообразную естественную полость, у него от удара о низкий свод погас налобник – скорее всего контакт отошел.

– И я видел свет. Там несколько провалов у дальней стены. Вот в одном и брезжило. Тускло.

Сперва морионцы подняли его на смех. Посыпались шуточки, кто-то припомнил светящуюся плесень, кому-то пришла на ум старая шутка подземников о забытом в пещере «вечном» фонарике. Но Никита Бормашев, угрюмый здоровяк, носящий зловещую кличку Борман, вытащил карту Разлогов и расстелил на столе.

– Где это? Показывай.

Олег показал. Абрис Купольного зала на карте значился пунктиром, это была самая дальняя точка, до которой добрались морионцы. Никаких проходов в другие полости на карте отмечено не было.

– Но я видел! – доказывал Олег. – И там был свет!

– Наверху в этом месте лес, – задумчиво сказал Борман, сворачивая карту. – Легко может быть дыра.

– И никто ничего? – удивился Глеб Островной, взрослый уже парень, оканчивающий Институт стали и сплавов. – Хотя если лес... Нет, маловероятно!

И тут в разговор вклинилась Соня.

– Да гномов он видел! Гномов с факелами. Шли они из Казад-дума в сверкающие пещеры Агларонда и пели: «За синие горы, за белый туман...» – рассмеялась она.

Этого Олег вынести не мог. Во-первых, потому, что никогда не был он вот таким романтиком, поклонником фэнтези и всякой мистики, которых полно среди подземников. Наоборот, считал, что спелеология – это не развлечение, а серьезное и трудное дело, увлечение настоящих мужчин, профессионалов. Во-вторых, он очень не любил, когда ему не верили, потому что старался никогда не врать. Ну а в-третьих, которое, наверное, все же было «во-первых», если бы про гномов сказал кто-нибудь другой, а не Соня...

В общем, в итоге они поссорились. Потом поругались. А потом поспорили. На американку. Если Олег до Нового года найдет не известный никому вход в Разлоги – Соня выполнит любое его желание. Если не найдет – то он выполнит ее желание. Получилось, конечно, подурачки, глупо, но «слово не воробей» – это раз и «мужик сказал» – это два.

Когда в тот день Олег выходил из клуба, на улице его ждали Борман и Островной.

– Ты один не ходи, – сказал Глеб, нависая над Олегом. – Числа пятнадцатого я из командировки вернусь – и тогда. Понял?

– Понял.

– А я навигатор раздобуду к тому времени, – добавил Никита. – В лесу точку входа легко потерять можно. А так координаты засечем – и дело в шляпе.

Они еще несколько минут постояли, обсуждая предстоящий поход. План был прост: разбить участок леса над Купольным залом на квадраты и методично прочесывать их, заглядывая под каждый куст.

– Там три-четыре квадратных километра будет, не больше. Если дыра есть – найдем, – заверил Борман Олега.

Поблагодарив коллег, Олег пожал им руки и двинулся домой. План Бормана—Островного был хорош, если бы не одно «но» – ни тот ни другой не спорили с Соней.

...Преодолев узкий лаз, Олег очутился в небольшом зальчике, прозванном Тамбуром. Здесь царил полумрак, было холодно, камни покрывал пушистый иней. Пещера «дышала», а ледяной воздух, проникавший в Тамбур снаружи, превращал ее «выдохи» в ажурные ледяные иглы.

Закинув рюкзак на спину, Олег включил налобник... и про себя выругался, с досадой саданув башмаком по обломку известняка. Налобник! Как он мог забыть! Все учел, все взял, вплоть до навески и шлямбурных крюков, хотя в Разлогах не было резких перепадов высот, а разобрать налобник и проверить контакты – забыл!

– Олух! – вслух произнес Олег. Голос прозвучал неожиданно громко, и все три прохода, уводящие из Тамбура в катакомбы, отозвались шепчущим, жутковатым эхом. Луч света выхватил из темноты табличку, укрепленную на стене: изображение друзы черных кристаллов и дата, когда морионцы открыли этот ныне рассекреченный вход в Разлоги. Визитная карточка их клуба.

– Все равно я пойду! – упрямо заявил в темноту Олег и двинулся в крайний правый штрек, носивший звучное название Бродвей за ширину и большое количество каменных глыб, заполнявших тоннель, словно празднично гуляющая публика – городскую улицу.

Под ногами хрустела известковая крошка. Лампочка налобника горела, как ей и положено, желтоватый световой круг скакал по камням, легкий влажный сквозняк охлаждал лицо. Спуск «пошел». Олег успокоился. Отойдя от прохода в Тамбур на двадцать шагов, он спрятал рюкзак среди камней, оставив при себе легкий ранец с самоспасом,⁵ моток шнура, крючья и термос.

– Ну гномы, готовьтесь! – тихо, себе под нос, сказал он и пошел по Бродвею, обходя обломки.

По расчетам, до Купольного зала Олег должен был добраться за час с небольшим. Далее нужно было пройти через провал к источнику света, по возможности выбраться наружу и с помощью GPS-навигатора сориентироваться, записав координаты выхода. Все просто и изящно. Американка в кармане. А желание Олег придумал уже давно.

Самой главной частью задумки был, конечно же, навигатор. Денег на дорогой прибор у Олега не нашлось, и пришлось идти на хитрость. Дело в том, что его отец, заядлый рыбак, давно мечтал о такой штуковине, и Олег уговорил маму подарить навигатор отцу на день рождения, случившийся как раз вчера. Нашарив в Интернете массу информации по GPS-девайсам, Олег выбрал подходящую модель, съездил на Митинский радиорынок и купил ее. Два зайца убивались одним выстрелом – отец получал вожделенный прибор, а Олег – почти гарантированный выигрыш в споре.

Почти, потому что он не был уверен только в двух вещах – что не известный никому выход из Разлогов окажется достаточно большим, чтобы он смог подняться на поверхность, а лес наверху – не очень густым, чтобы GPS смог поймать спутники.

...Под землей все не так, как на земле. Здесь другой воздух, другая влажность, температура, здесь не всегда можно пить воду, никогда нельзя кричать и без нужды трогать что бы то ни было. И самое главное – у настоящего подземника обязательно должен иметься, пусть и глубоко запрятанный в недрах организма, «синдром мышонка». Что это такое, спасатели МЧС объяснили Олегу еще в приснопамятном лазе с кабелями, где он застрял.

Один из главных врагов человека под землей – клаустрофобия. Осознание того, что над тобой десятки, а иногда и сотни метров камня, глины, земли, может свести с ума кого угодно. Но если у одних клаустрофобия проявляется сразу, едва только человек оказывается под землей, у других она дремлет где-то глубоко в недрах подсознания и пробуждается в самый ответственный момент – при прохождении особо узких лазов, например. Лазы эти, на языке спелеологов называемые шкуродерами, иной раз бывают по сотне метров длиной, и все это расстояние нужно преодолеть ползком, в темноте, цепляясь пальцами за камень и извиваясь подобно червяку. И если вдруг у проползшего несколько метров по шкуродеру человека начи-

⁵ Самоспас – набор предметов, необходимых для выживания в пещере в случае нештатной ситуации. Обычно содержит кусок фольгированного полиэтилена («космическое» одеяло), шоколад, бутылку воды, свечи, зажигалку и т. д.

нается приступ клаустрофобии и он в панике бьется в каменной норе – пиши пропало. Олег помнил случай, когда одного из новичков удалось вытащить из съянского Щучьего лаза только после того, как несчастный потерял сознание от нервного перенапряжения.

Чтобы избежать всего этого, и нужен «синдром мышонка» – особое состояние, своеобразный транс, когда человек чувствует себя в самой узкой, самой глубокой норе уютно и комфортно. У Олега это было, а вот у Бормана, например, нет, и шкуродеры он преодолевал только благодаря силе воли.

Раздумывая об особенностях человеческой природы, Олег оставил за спиной Бродвей и вошел на Станцию – большой, вырубленный в камне зал, на полу которого среди груд щебня мориовцы обнаружили старинные ржавые рельсы. По ним когда-то вагонетки с камнем, добытым в штреках, вывозили по Проспекту, главному тоннелю катакомб, к центральному выходу. Сейчас этот выход был погребен оползнем, случившимся много лет назад, а рельсы остались чугунным памятником безвестным горнякам, когда-то рвавшим жилы в этих подземельях.

От Станции, пробравшись через завалы в Кривой штрек, Олег пошел медленнее – неровный потолок здесь временами опускался очень низко, оставляя для прохода меньше метра, а острые выступы известняка так и норовили «поймать» на себя голову неосторожного подземника. Чтобы не заблудиться, Олег время от времени останавливался и искал на стенах метки, оставленные морионцами во время прошлых спусков. Впрочем, пока он шел по хорошо знакомым ему местам.

Темнота и шепчущая тишина Разлогов не угнетали Олега. Он давно привык к пещерному антуражу, да и не было в подмосковных каменоломнях ничего эдакого, пугающего или необычного. Пожалуй, по ощущениям здешние пещеры напоминали крымские – в них хорошо дышалось, они не подавляли волю, и временами казалось, что именно рукотворность большинства полостей Разлогов играет в этом главную роль, точно строители катакомб оставили здесь частичку тепла своих карбидных ламп и немного человеческой души в придачу.

Совсем по-иному он чувствовал себя, например, в Кунгурской пещере, что неподалеку от Перми. Мрачное величие сверкающих в свете фонаря ледяных чертогов давило на Олега, заставляя чувствовать себя ничтожным, маленьким существом, случайным гостем в этом подземном дворце.

И южноуральские Киндерли тоже вызвали в его душе тоску и желание не задерживаться в тамошних стволах и залах надолго. Колонны с меандрами натек, сталактиты и подземные озера в обрамлении каменного кружева казались созданными руками искусных, но недобрых существ, каких-нибудь горных духов, которым не по нраву было, что тишину их обители потревожили пришельцы с поверхности.

Конечно, не все пещеры действовали так негативно. Алатауский «Ящик Пандоры», наоборот, пленил Олега своей основательностью, хотя по сложности считался одной из самых неприятных дыр бывшего Союза. И Дивья пещера, расположенная в той же Пермской области, что и легендарный Кунгур, несмотря на отдаленное сходство с киндерлинской, очень понравилась Олегу – в ней было столько всего, что можно было смело загонять в гроты киношников и снимать сцены из «Властелина колец».

Старик, которому Олег рассказал о своих ощущениях, вопреки ожиданиям отнесся к ним очень серьезно.

– У тебя, парень, чуйка есть. И чуйка правильная. Верь ей. От большой беды может она оградить – и тебя, и других.

И вот теперь эта самая чуйка, с утра пораньше получившая изрядную толику негатива, но затем успокоившаяся, снова начала просыпаться – точно чья-то призрачная рука с ледяными пальцами осторожно просунулась в грудную клетку и коснулась сердца – раз, другой...

В камине потрескивали буковые полешки, отблески живого огня струились по полированному мрамору, озаряя погруженный во мрак кабинет. Напротив, в глубоком кресле, взгромоздив крупные желтые ступни на изящный ломберный столик, расположился грузный седой мужчина. Рядом, на лохматой медвежьей шкуре, стояли полупустая бутылка водки, стакан и блюдо с закуской.

Тускло поблескивали золоченые переплеты книг за стеклами шкафов, едва угадывалась в темноте большая картина, висевшая над столом. На ней был изображен хозяин кабинета, стоящий на берегу дикой сибирской реки. Прищурился глубоко посаженные, чуть раскосые глаза, он вглядывался в таежную даль, провожая взглядом улетающий вертолет.

Картину эту, так отличающуюся от полотен модных живописцев, населяющих апартаменты сильного мира сего, написал два с лишним десятка лет назад Сенька Штырь, запойный пьяница и гениальный художник-самоучка, работавший во время оно в артели Канаева промывщиком.

С тех пор немало воды утекло в могучих сибирских реках. Давно уже упокоился где-то в вечной мерзлоте спившийся Сенька, нет и артели, начальник которой, грозный Леня Канай, гремел на всю Колыму и Чукотку как первый добытчик презренного металла. Все поросло бильем, серым тундровым лишайником, заволочло туманом. Лишь жилистые сеймчанские лиственницы еще помнят, как начиналась империя Канаева и сколько сил, крови, пота и удачи вложил в ее создание один из богатейших ныне людей России.

Усмехнувшись – пафос, сколько пафоса! – человек в кресле протянул перевитую набухшими венами руку к стакану, но пальцы уже плохо слушались, и водка пролилась на бурый медвежий мех. Канаев нахмурился, опустил ноги на пол и медленно, кренясь из стороны в сторону, поднялся. Бутылка, стоявшая возле кресла, была уже третьей по счету. Так сильно, и тем более в одиночку, «в одно лицо», как говорили на Колыме, он не напивался уже очень давно, со времен расстрела Белого дома в девяносто третьем и своего второго инфаркта.

За плотно закрытой дверью, и Леонид Дмитриевич знал это наверняка, сейчас в тихой панике курсирует по холлу жена, за ней бледной тенью ходят мажордом и референт, маячит в отдалении охрана, а в специальной комнате на первом этаже сидит и ждет бригада врачей из ЦКБ. Что ж, пусть ждут, пусть волнуются. Им, живущим за счет его, Лени Канае, денег, полезно бывает и встряхнуться, «проветрить нервы», чтобы не забывали, кто тут хозяин и от кого все зависит.

Леня Канай... Ухватившись за каминную полку, он рассмеялся. Был Леня, да весь вышел. Извольте встречать: член Совета Федерации, завсегда рейтинг журнала «Форбс», Леонид Дмитриевич Канаев собственной персоной, человек, сделавший себя сам, человек, который никого и ничего не боится. Но вот – напился. И напился именно потому, что испугался...

В бурной и далеко не праведной жизни Канаева имелось немало моментов, детально описанных в Уголовном кодексе. Но звериная осторожность, природная сметка и чутье сына бывшего зека ни разу не подвели Леонида Дмитриевича. Все концы были надежно упрятаны, когда в землю, когда в воду, а был случай – и в жаркую топку поселковой котельной. Устраняя препятствия на своем пути, Канаев всегда детально продумывал все варианты и никогда не надеялся на других. Именно это и позволило ему подняться так высоко и спать спокойным сном в настоящем – прошлое было мертво, причем в прямом смысле этого слова.

Но стопроцентной гарантии не дает даже швейцарский банк. Старинная мудрость гласит: «У всякого Ахиллеса есть своя пята». Была она и у Канаева.

Снова вспомнив о звонке после президентского совещания, Леонид Дмитриевич негромко зарычал, обрюзгшее лицо свело судорогой. Водка не помогала, она лишь обессиливала тело, но голова оставалась ясной, и там, где-то в переплетении прочих мыслей, тревожно горела одна, самая главная: «Что теперь будет?»

...Эту фотографию отец Канаева получил по почте в самом конце восьмидесят девятого. Над страной бушевала перестройка, все летело в тартарары, самые хитрые, циничные и наглые уже потирали руки, готовясь пересест с жестких стульев комсомольских райкомов и институтских кафедр в мягкие кожаные кресла собственных кабинетов. Но Колыма по-прежнему была закрытой территорией, и, получив от отца телеграмму, Канаеву пришлось добираться до подмосковного Зареченска, где жил после освобождения из лагеря, пяти лет поселений и десятилетий добровольной ссылки Дмитрий Леонидович, двое суток.

Отца он застал при смерти. Чужие женщины мелькали в полутемной квартире, а сам Канаев-старший лежал на узкой железной кровати в дальней комнате и смотрел ввалившимися глазами на деревья за окном. Приезду сына, с которым не виделся больше пятнадцати лет, старик обрадовался, но радость эта была минутной, не более. С трудом согнув обтянутую пергаментной кожей истончившуюся руку, Дмитрий Леонидович вытащил из-под подушки почтовый конверт и протянул сыну.

– Посмотри... Ничего не говори. Просто прими как есть. И запомни, Леонид – второй человек на карточке – жив. Это он месяц назад прислал мне фото. Но он просчитался! Ему не удастся ничего получить со старого Дитриха, ха-ха! Я в свое время обманул саму смерть, так почему бы мне не одурачить и ее ангела?

Ничего не понимающий Канаев с удивлением посмотрел на отца, повертел в руках конверт – адрес отправителя был ленинградским – и вытряхнул из него фотографию, побуревшую от времени черно-белую карточку на плотном картоне.

На ней были запечатлены два молодых человека – отец и улыбающийся темноволосый мужчина с волевым подбородком и неприятным, цепким взглядом. И все бы ничего, обычное фото друзей юности, если бы не черная эсэсовская форма и фуражки с черепами, венчающие головы обоих мужчин...

Канаев скрипнул зубами, тяжело осел на шкуру возле кресла, взял бутылку и глотнул из горлышка. Проклятое фото! Проклятое прошлое! Проклятый отец!

Тогда, в восьмидесят девятом, умирая, он сказал Леониду:

– Прости меня, сынок. В жизни нужно уметь признавать и искупать свои ошибки. Я не назову тебе свою настоящую фамилию. Мать нарекла меня при рождении Дитрихом, но ты никогда, даже в мыслях, не называй меня так, слышишь? Пусть для тебя я останусь тем, кем был всегда. И главное – никогда не имей никаких дел с тем человеком, что сфотографирован вместе со мной. Ни с ним, ни с теми, кто придет от его имени. Я... обязан подчиняться ему, но меня больше нет, а ты не наследуешь этой обязанности. Карточку сожги. Сожги и забудь. Прощай...

Он умер тем же днем, в мучениях – у него открылось внутреннее кровотечение. Последними словами отца были: «Gott mit uns»...⁶

Похоронив отца на маленьком кладбище у деревни Разлоги, Леонид отправил матери телеграмму и улетел обратно в Магадан. Фотографию он почему-то не уничтожил, а хранил в портмоне и время от времени разглядывал молодое лицо отца, его форму – по знакам различия получалось, что он был гауптштурмфюрером. Такое же звание имел и второй человек на фото. В отличие от отца у него имелась награда – крест на левой стороне мундира. Но выделялся он не этим. Глаза. Пронзительный, властный и тяжелый взгляд незнакомого эсэсовца преследовал Канаева даже во сне.

На обороте фотографии имелась надпись, сделанная карандашом: «Hirt Tod. 1942 г.» Леонид специально выяснил, что в переводе это значило «пастух смерти». К чему или к кому относились эти слова, он не знал.

⁶ «С нами Бог» (нем.).

Вскоре после смерти отца наступили такие перемены, что Канаев забыл и про фото, и про отца, и вообще про прошлую жизнь. Быстро сообразив, что золото – это вчерашний день, он вложил все деньги в компанию «Титан», занимающуюся торговлей оружием, вернул вложенное с гигантскими процентами, потом перебросил часть средств на нефтяной бизнес, создал ритейлинговый холдинг «Кошкин дом» и открыл «Кан-банк». Это были основные активы империи Леонида Дмитриевича Канаева. Очень скоро они обросли массой побочных, но тоже приносящих неплохой доход фирм и компаний, и о Канаеве заговорили не только на родине, но и в Европе. Все шло хорошо. Настолько хорошо, насколько вообще может быть в России.

И вот этот звонок. Звонивший, представившийся герром Хорстом Убелем, сообщил Леониду Дмитриевичу, что тот должен оказать ему некую услугу. А чтобы у него, Леонида Дмитриевича, не возникло вопроса – а собственно, с какой стати? – герр Хорст Убель сказал:

– Я знал вашего отца, герр Канаев. А он знал меня. Мы с ним оба были пастухами смерти. Хирт тод, герр Канаев, хирт тод...

Глава четвертая

Комната отдела, в котором отныне Тамаре предстояло работать, находилась на том же этаже, что и кабинет Чеканина. Вдоль окон стояло несколько современных столов с компьютерами, в центре – стол для совещаний. У стены – шкафы с документами и телевизор на тумбочке, возле двери – вешалка; с портрета, прищурившись, смотрел Дзержинский. Все очень просто и аскетично, никакого намека на имперскую помпезность, виденную Тамарой в кабинете полковника.

Совещание оперативно-следственной группы, назначенное Чеканиным на три часа дня, началось с опозданием – сам же полковник и задержался, причем более чем на час. Все это время Тамара просидела за столом, просматривая материалы дела, полученные накануне. Ей не мешали. Джимморрисон и капитан Карпухин, похожий на артиста Леонова крепыш, традиционно ушли курить на лестницу, другой капитан, рыжий и конопатый, носивший звучную фамилию Звонарь, дремал, откинувшись на спинку кресла, а майор Вершинин, включив телевизор, с увлечением следил за трансляцией гонок «Формулы-1».

В группу, расследующую убийство офицера таможни подполковника Зими́на, Тамару включили буквально вчера.

– Пора тебе, душа моя, к делу приобщаться, – сказал ей Чеканин. – Тем более что дело несложное, разложим мы его быстро.

С точки зрения Тамары, дело было куда как непростое. Зимин попал в поле зрения Федеральной службы безопасности давно. Он по долгу службы занимался оформлением крупных партий оргтехники из-за границы и несколько раз занижал количество и стоимость ввозимых в страну товаров, естественно, не бескорыстно. Все шло к аресту, но тут подполковник пропал. Родственники подняли тревогу, начались поиски, и вскоре труп Зими́на был обнаружен среди неопознанных покойников в одном из моргов Москвы. Управление «Т» привлекли к расследованию, когда выяснилось, что у не имевшего внешних повреждений тела отсутствует головной мозг...

– У коллег есть четкая инструкция, – объяснил Тамаре Чеканин, – если им встретилось что-то необъяснимое, аномальное – вызывать специалистов, то есть нас.

– А что случилось с этим Зими́ным?

– Пока не знаю, но тут явно замешаны неznати. Мозг высосать, чтобы лишить человека посмертной памяти, – это их почерк.

Поежившись, девушка представила себе, как ночной порой мерзкие твари, напоминающие компьютерных орков из игры «Миддленд варс», нападают на припозднившихся прохожих и через соломинку, воткнутую в ухо, выпивают содержимое черепной коробки.

Чеканин тем временем продолжал:

– А поскольку покойный имел дело с техникой, руководство решило спихнуть все на наш отдел. Будем теперь сыскарничать. Вам, молодым, это в самый раз, ну а я, старый конь, осуществлю, так сказать, общее руководство. Чтобы с бороздой все в порядке было.

Листая материалы дела, Тамара прочла, что, по данным предварительного расследования, перед исчезновением Зимин занимался оформлением партии GPS-навигаторов. Поставщик – немецкая фирма «Шварцен Форричтанг», получатель – холдинг «Кошкин дом», принадлежащий некоему господину Канаеву, «владельцу заводов, газет, пароходов». Навигаторы после растаможки должны были поступить на склад в Зареченске, а оттуда – в сеть розничных магазинов «Кошкиного дома». Часть приборов уже прошла оформление и отправилась на склад.

Оперативники ФСБ выяснили, что представитель «Шварцен Форричтанг», герр Хорст Убель, уважаемый бизнесмен из Щецина, подарил Зимину образец товара. Как значи-

лось из расшифровки прослушки кабинета таможенника, «в знак взаимопонимания и как залог дальнейшего плодотворного сотрудничества». Но, конечно же, никакого навигатора при трупе найдено не было.

Чеканин ворвался в кабинет, словно за ним была погоня. Следом плелся Джимморрисон и катился колом Карпухин. Вершинин выключил телевизор и выжидательно уставился на шефа.

– Так, – отрывисто бросил Чеканин, оглядывая подчиненных. – Все в сборе. Хорошо. Я только что с Лубянки, от генерала Павлычева. Вот, коллеги, какой получается зигзаг: тело Зимины обнаружил утром следующего дня после его неявки к родным пенатам милицейский патруль. Произошло это возле Белорусского вокзала, в районе станции «Москва-Смоленская». Я говорил со старшим патруля. Он клянется и божится, что кто-то успел обшарить покойника до них. М-да... Что характерно – не врет.

Тамара встрепенулась.

– Э-э-э... Душа моя, ты что-то хотела? – прервавшись, спросил Чеканин. Все как по команде уставились на девушку.

– А как вы узнали... Ну, что он говорит правду? – пролепетала Тамара.

Оперативники дружно рассмеялись. Чеканин тоже улыбнулся, зачем-то дохнул на свой перстень и провел им по рукаву свитера.

– Есть, есть, душа моя, некоторая уверенность... Ну да мы отвлеклись. Так вот: Карпухин, отправляйся, друг сердечный, в местное ОВД и найди мне тех, кто промышляет в этом районе. Землю носом рой, но следы навигатора чтоб были! Чую – в этом приборе вся закавыка. Теперь вы, Виктор Семенович: езжайте на таможенный терминал и осмотрите всю партию. Возьмите с собой лейтенанта Стеклова, пусть поработает ручками. При малейших признаках нарушения пакта «Тысяча товаров» сразу сообщайте – вышлем группу быстрого реагирования. Все, господа, свободны.

Карпухин, Джимморрисон и Вершинин поднялись и вышли.

– А мы? – забывшись, снова влезла Тамара.

– А вы с капитаном Звонарем поедете в Зареченск, на склады «Кошкиного дома», понюхаете там. Что-то мне подсказывает – надо копать с обеих сторон сразу. Ну, по коням, по коням!

До Купольного зала Олег добрался только в начале двенадцатого. Невероятным образом он умудрился заблудиться, свернув из Кривого штрека не в Червячный ход, а на Дорогу негров, длинный тоннель с совершенно закопченным еще во времена, когда каменоломни работали, потолком. Дорога негров вывела его обратно на Станцию. Вообще-то опытные подземники считали это плохой приметой. Если спелеолога начало «водить» в известных ему местах, стало быть, «подземный хозяин» не хочет, чтобы человек шел дальше. Но Олег не верил в приметы. Точнее, не собирался верить. Ему хотелось быть независимым, опытным, спокойным. Именно такие мужчины добиваются всего, чего желают. Именно они нравятся женщинам. А раз так, то «не надо быть суеверным, Дик Сэнд». Вперед, только вперед!

Тут опять некстати вспомнился Бунин:

– Ночь, сынок, непроглядная,
А дорога глуха...
– Троеперого знахарю
Я отнес петуха.
– Лес, дремучий, разбойничий,
Темен с давних времен...
– Нож булатный за пазухой
Горячо наточен!

– Реки быстры и холодны,
Перевозчики спят...
– За рекой ветер высушит
Мой нехитрый наряд!
– А когда же мне, дитяtko,
Ко двору тебя ждать?
– Уж давай мы как следует
Попрощаемся, мать!

«Тьфу ты! – психанул Олег. – Ну что за мерзкий орган эта нервная система! Должна быть из стали, но как до дела дойдет – какой-то кисель получается. Нет, это все инсинуации подсознания. А я спокоен. Совершенно спокоен».

Спокойствие спокойствием, но когда Олег обогнул «каменное пузо», выпирающее из стены штрека, и вошел в Купольный зал, сердце его колотилось как бешеное. Наступал момент истины. Провалы зияли у дальней стены, точно разъявленные рты ископаемых чудовищ. Пролески света Олег видел в самой левой норе. Если только все это ему не почудилось.

Он перевел дух, выключил налобник и замер. Нужно, чтобы глаза отдохнули, привыкли к темноте и появилась «жажда огня», когда расширившийся до предела зрачок может уловить даже единичный квант света.

Вначале темнота казалась непроницаемой. Она стояла стеной, окружала Олега со всех сторон, давила, сжимала его, словно он очутился в могиле. И, как ни крутил Олег головой, как ни тарачил глаза, даже периферийным зрением, которое, как известно, самое чуткое, он не засек ни единого проблеска.

– Давай! Давай! – шептал Олег, от отчаяния сжимая кулаки. Неужели он ошибся? Неужели тогда ему почудилось? Не может быть...

Это было как в компьютерной игре, когда на затемненном мониторе вдруг проступают неясные контуры некоей фигуры. Свет забрезжил еле-еле, его едва хватало, чтобы стало видно угловатые камни, обрамляющие провал, но Олегу этого оказалось достаточно. Радостно захотав, он включил налобник, зажмурился на секунду от яркого света и полез через груды валунов к своей победе, к своей американке, к своему заветному желанию...

Небольшой, пять на пять шагов, грот напоминал бутылку. Олег стоял на ее дне, а там, где у бутылки должно быть горлышко, сквозь овальную дыру виднелся кусочек серого неба, перечеркнутый ветвями деревьев. До него было всего ничего – метра четыре.

– Сейчас, сейчас, – лихорадочно бормотал он, разматывая альпинистский шнур. На глазок размеров дыры вполне хватало, чтобы через нее смог пролезть человек. Оставалось точно забросить якорек кошки, закрепить шнур и подняться наверх. Все страхи, все жутковатые предчувствия разом отступили, исчезли. Олег был в одном шаге от триумфа. Карабин сухо щелкнул, зубья кошки тускло блеснули в луче налобника. Олег встал прямо под дырой и почувствовал, как ему на лицо опустилась колючая снежинка. Он снова расхохотался и подумал, что, прежде чем бросать якорек, нужно успокоиться.

Усевшись на сырой камень, Олег достал термос, отвернул крышку, и по гроту поплыл бодрящий аромат зеленого чая. Выпив полную кружку и сжевав несколько крекеров, он убрал термос и достал навигатор. Прибор удобно лег в руку, водонепроницаемый корпус желтел в сумраке, напоминая детскую игрушку. Олег повертел навигатор в руках и нажал на расположенную справа кнопку «Power». В инструкции, которую он тщательно изучил накануне, было написано, что прибору требуется в первый раз до пяти минут, чтобы обнаружить спутники. «Пусть нагреется и начнет искать сразу же, как я поднимусь», – подумал Олег, сунул навигатор в карман и взялся было за кошку, но его рука так и повисла в воздухе – его отвлек тихий свист, донесшийся из кармана.

– Что за фигня! – удивился Олег, снова вытащил навигатор – и, вскрикнув, выронил его из рук.

Желтый корпус навигатора окутывала зеленоватая дымка. Короткие злые искры били во все стороны, а на экранчике мелькали красные пятна. Олег инстинктивно отскочил в сторону, запнулся о моток шнура и упал, ударившись затылком о камни. Луч налобника погас. Грот прогрузился в серый полумрак. Олег выругался, шаря рукой по каске. Проклятый контакт!

После нескольких сильных ударов ладонью о налобник лампочка все же загорелась. Поднявшись на ноги, он принялся искать навигатор, шаря лучом по камням. В гроте плавали полосы невесть откуда взявшегося дыма, незнакомый запах заставлял морщиться. «Сгорел, – в отчаянии подумал Олег. – Надо было в магазине брать, пусть там и дороже. Говорят же, что на Митино только ворованными да «серыми» гаджетами торгуют». Неожиданно его внимание привлек странный звук – не то сопение, не то приглушенное рычание.

Олег выпрямился, покрутил головой, шаря лучом по гроту. Камни, камни... Человека он сперва не заметил, точнее, не понял, что это. И только спустя несколько секунд мозг среагировал, заставив Олега вернуть луч туда, где мелькнула в круге света темная фигура.

Крик застрял у него в горле, ладони мгновенно стали влажными, а на лбу выступили капли пота.

Существо, высвеченное из мрака лучом налобника, не было человеком. Олег стиснул зубы. В ушах зазвенело. Двухное создание с несоразмерной, приплюснутой головой смотрело на него большими светящимися глазами, и во взгляде этих призрачных буркал Олег увидел злобу и ненависть. Вот поднялась короткопалая рука, зашевелились соединенные перепонками пальцы, распахнулась широкая зубастая пасть, и низкий гортанный возглас наполнил пещеру.

На Олега навалилась страшная тяжесть – и начала гнуть его к земле, трамбовать, вминая голову в плечи. Затрещали ребра, острая боль пронзила грудь. От этой боли, но более того – от непередаваемого ужаса, Олег заорал, задохнулся собственным криком и упал на камни, а неведомая сила продолжала корежить и мять человеческое тело...

* * *

Служебная «Тойота» уверенно продралась через могучую пробку на кольцевой, свернула на Калужское шоссе, и вскоре высотки по обе стороны дороги сменились заснеженными холмами, покрытыми серой щетиной дальних лесов. Москва кончилась, началась Россия.

Капитан Звонарь оказался малоинтересным попутчиком. Он всю дорогу до Зареченска так и просидел бы молчком, глядя в окно, если бы не Тамара. Направляясь на первое в своей жизни задание, девушка несколько волновалась и, чтобы как-то отвлечься, попыталась завязать с угрюмым капитаном разговор:

– А вы давно в управлении работаете?

– Восемь лет, – односложно ответил Звонарь.

– И часто бывало... такое? Ну, я имею в виду, как в блоке «А»? Чудище это из ноутбука... – Тамара смешалась, запутавшись в терминах и определениях.

– Это не чудище, это гвард. Незнать на контракте. В данном случае фактически шпион, засланный в нашу страну с определенной целью. Вы не возражаете, я закурю? – Звонарь достал сигарету и, не дожидаясь ответа, щелкнул зажигалкой.

– Да-да, конечно, – поспешно кивнула Тамара. – А почему вы все говорите «незнать», ведь, наверное, правильнее – «нечисть»?

Капитан хмыкнул и, практически не разжимая губ, процедил:

– У нас так сложилось исторически. На Западе обитателей Темного мира называют иллютусами, или малусами. А термин «гвард» для биоэнергетического организма, связанного

договорными обязательствами и поселенного в рукотворном обиталище, впервые предложил Арнальдо де Виланова. Он же чаровал первых гвардов, помещая их в алхимические приборы.

– Никогда не слышала эту фамилию, – удивленно пожала плечами Тамара.

– Де Виланова был испанским магом, врачевателем и алхимиком, – лишенным всяких эмоций голосом произнес Звонарь. – Учился у арабов. В конце тринадцатого века работал профессором медицины в Барселонском университете и придворным врачом арагонского короля. Был отлучен от церкви испанскими иерархами как колдун и заклинатель духов, бежал из Испании и после долгих странствий нашел убежище в Авиньоне, у папы Климента Пятого. Помимо прочего, является автором знаменитого трактата «О печатях». Нарботки де Вилановы использовал учитель Парацельса натуромаг Тритемий. А вообще, стажер, возьмите у Вершинина книгу Гофориуса – там все написано.

Последнюю фразу капитан произнес таким ледяным тоном, что у Тамары пропала всякая охота продолжать разговор.

Через час с небольшим машина затормозила у серого складского забора. Над железными воротами синела вывеска «ООО "Кошкин дом"» и логотип холдинга – умывающийся котенок на фоне лубочного теремка.

– Тамара, – сухо произнес Звонарь, – вы, пожалуйста, вперед не лезьте. Говорить буду я.

– Хорошо, – буркнула девушка.

Вначале в ней вскипела обида на рыжего капитана, но, выбравшись из машины, Тамара несколько успокоилась и решила – в конце концов, она всего лишь стажер. Чего обижаться? Придет и ее время, а пока нужно больше смотреть, слушать – и запоминать.

Охрана безропотно пропустила их на территорию складов. Шел мелкий крупяной снежок. Они остановились на заасфальтированной площадке, посреди которой торчал высоченный фонарь-«ромашка». Справа виднелось современное офисное здание, впереди глыбились огромные ангары. Ворота одного из них были открыты, и в темном чреве сновали желтые автокары-погрузчики.

Неожиданно рядом возник, словно из воздуха, управляющий – пожилой дородный армянин, напоминающий итальянского оперного тенора. Вначале он с фальшивой улыбкой едва не заключил их в объятия, с характерным акцентом приглашая «нежданных, но все равно очень дорогих гостей из органов» в кабинет, «попить чай, покушать после дальней дороги».

– Не суетитесь, Гарбегян! – поморщившись, сказал Звонарь.

Управляющий замолчал, внимательно посмотрел на капитана – и резко сменил тон.

– Чем обязан? – на чистейшем русском языке спросил он.

– «Шварцен Форричтанг», – коротко ответил Звонарь. – Мне нужно знать, сколько и какой продукции поставляла на ваши склады эта фирма за последний год.

– Видите ли, господин капитан, – спокойно заговорил Гарбегян, открыто глядя в глаза Звонарю, – в минувшем году никаких поставок от названной вами компании не было. В прошлом, впрочем, тоже. Хотите посмотреть документы?

– Хочу, – кивнул Звонарь.

– Извольте.

Следующие три часа Тамара и рыжий капитан провели в уютном кабинете управляющего, просматривая бесконечные акты приемки, накладные, договоры и контракты. Похоже, Гарбегян не лгал – они не встретили ни одного упоминания «Шварцен Форричтанг».

– А если он их спрятал? – шепотом спросила Тамара, наклонившись к оттопыренному уху Звонаря.

Управляющий, не обращая на оперативников никакого внимания, рассеянно смотрел на экран ноутбука, изредка кликая на «Page Down».

– Вряд ли, – еле слышно ответил капитан, листая очередную папку. – О нашем приезде он ничего не знал, а все бумаги при нас достал из сейфа. Но тут что-то нечисто...

– Господин управляющий! – повысив голос, обратился он к хозяину кабинета. – А в каких отношениях находится «Кошкин дом» с «Шварцен Форричтанг»?

– Я всего лишь управляю этими вот складами. – Пухлая рука Гарбеяна обвела панораму за окном. – Возможно, «Кошкин дом» и сотрудничает с названной вами компанией...

– Аренда! – выпалила Тамара. Мысль появилась неожиданно, и она не смогла сдержаться. Звонарь коротко глянул на свою спутницу и тут же быстро спросил:

– Вы сдаете складские помещения «Шварцен Форричтанг»?

Управляющий вздохнул и сложил ладони домиком.

– Да, господин капитан.

– Почему сразу не сказали?

– Вы об этом не спрашивали, – улыбнулся Гарбеян такой слащавой улыбкой, что Тамаре едва не сделалось дурно.

Пятый Котельнический переулок напоминает траншею, прорытую от Гончарной улицы вниз, к Москве-реке. В глухой полнолуночный час редко кто отваживался пройти здесь, а если нужда и заставит человека, то невольно ускорит он шаг, втягивая голову в плечи и испуганно озираясь. Потом и припомнить-то не сможет прохожий, что его напугало, и невдомек ему, что это древнее чутье проснулось на миг, проснулось, чтобы предупредить: здесь нечисто!

...На втором этаже старого кособокого дома гуляли – из открытого окна долетали женский хохот, звон посуды и нестройный хор мужских голосов, старательно выводивший: «От Во-олги до Енисе-е-ея...» Хлопнула подъездная дверь.

– Тшш! – Кукан приложил к губам коричневый волосатый палец. Длинный коготь зацепился за поля видавшей виды шляпы и едва не сорвал ее с головы заводника. – Давай!

Два Вершка на цыпочках побежал вдоль стены, наборматывая в кулак тайные слова заговора. Вышедший из подъезда человек маячил возле машины, звеня ключами. Он был пьян и плохо стоял на ногах. Кукан сощурил прицельный глаз, прикидывая, как сподручнее его свалить. Холодный ветер взбаламутил снег, призрачный вихрь пронесся по двору, подхватил у мусорных баков шуршучий пакет, вознес его выше крыш, завертел, а потом резко бросил вниз, прямо в лицо пьяному. Кукан прищелкнул пальцами. Человек вскрикнул, связка ключей улетела в снег. Заснеженный асфальт ушел у него из-под ног, свет фонарей померк, и, словно в страшном сне, навалился обессиливающий ужас. Еще минуту назад ему море было по колено, горячим ключом бурлила в голове выпитая водка и он готов был мчаться в Чертаново к любовнице, разгонять тоску, но вот вдруг – мрак, тоска и подгибающиеся ноги. Человек попытался ухватиться за дверцу машины, да враз замерзшие пальцы лишь скользнули по холодному металлу. И тут Два Вершка выбросил руку. Старательно сплетенный заговор, серебряно светясь, развернулся в воздухе и окутал личены непроницаемым коконом.

– Тащи! – прохрипел росстаник. Кукан, подхватив змеящуюся в воздухе концевую словенить, дернул. Пьяный снова вскрикнул, падая. Он бился в невидимом коконе, как пойманная пауком муха, и имел столько же шансов освободиться. Кукан вперекатку подобрался к личеню, растопырил заушные плавни и двумя быстрыми движениями обшарил карманы. Два Вершка тем временем выуживал из сугроба ключи.

– Сито-решето! – крикнул Кукан. – Отпоры взял?

– Ага, – кивнул росстаник.

– Виляем.

И две косматые тени, напоминающие бездомных собак, метнулись во двор, к гаражам. Миг – и они скрылись из виду, а метель услужливо занесла следы...

По дороге в логово Кукан и Два Вершка остановились, присев за высоким крыльцом магазина. По ночной Москве гуляли ветра. Снег пошел гуще. Зима забеливала город, как заправский маляр. В лучах прожекторов купола древнего храма Успения Божией Матери в

Гончарах казались летящими сквозь метель, и видно было, как светящееся золото разбрызгивает снег, оставаясь ясным и сияющим.

– Ж-жолоть, – скривился ростаник, отворачиваясь, – не брать...

– То пустое все, – отмахнулся от слов ватажника Кукан. – Отпоры вынай.

Два Вершка вытащил связку ключей, сильными пальцами ловко разогнул кольцо, ширококопалой ступней размел снег и ссыпал звенящую добычу на асфальт, отбросив в сторону ненужный брелок сигнализации. Кукан наклонился, быстро провел дележ. Всего ключей оказалось семь.

– Первый – матухе, второй – нам, нечет – матухе, четвертый – нам, нечет – матухе, шестой – нам, нечет – снова матухе.

– Угу, – кивнул Два Вершка, сверкнув кошачьим глазом, – приberi наше, я матухину долюню заныкаю.

Поделив добычу, незнати осели горками тряпья, метнулись мимо тусклой витрины магазина, завернули за угол и споро побежали по Нижней Радищевской к старой телефонной будке. Здесь располагался тайный вход в логовище ватаги незнатей матухи Вошицы. Кукан и Два Вершка остановились, тревожно оглядываясь. Они почувствовали чужого и приготовились к схватке.

Из-за будки появилось темное пятно. Два Вершка покрутил длинным волосатым носом, чихнул и облегченно воскликнул:

– А-а, бабка Алконостиха! Здоровей видали. Чаготь надо?

Кукан оскалил в усмешке длинные черные зубы. Пятно заколыхалось, и из него проступило морщинистое старушечье лицо, изжелта-серое, покрытое пятнами, с редкой бородой и мокрыми, беспрестанно шевелящимися губами.

– Чаготь-чаготь... – проворчала Алконостиха. – Подарочек у меня для матухи вашей. Пусть зла не держит, не теряла я ее серьги, это все Кошчевы слуги, лиховы дети. Вот, держите-ка. Матухе на забаву, вам в услужение. И квиты будем.

Старуха вытолкнула под ноги ватажников сжавшегося в комок незнатя, остроухого, заросшего нечесаным волосом, испуганного и жалкого.

– Шипуляк, что ли? – оглядывая незнакомца, спросил Кукан.

– Он самый, – кивнул Два Вершка. – Из диких, должно быть. Где ж ты его надыбала, старая?

– Сам пришел, – каркнула Алконостиха и, втянув голову, чернильной кляксой уползла в ночь.

– Эй, как звать-то? – Кукан ткнул шипуляка когтем. Тот взвизгнул и закрыл лицо грязными ладошками.

– Махонький какой... – протянул Два Вершка. – Махоней будет. Как, брат Кукан, по нраву тебе такое имя для этого чухнянина?

– Сойдет, брат Два Вершка. Ну, айда до логова. Утро близко.

И, подхватив новопрозованного шипуляка, они нырнули в щель между стеной дома и телефонной будкой, ушли под землю, где тайными ходами поползли вглубь, распугивая сонных крыс. Сегодня выдалась удачная ночь, матуха будет довольна...

Глава пятая

Кладовщик, или, как значилось на бейдже, «менеджер по логистике», здоровенный малый в синем комбинезоне, украшенном по спине надписью «Кошкин дом», откатил в сторону воротину и несколько театрально взмахнул рукой:

– Прошу!

Звонарь первым шагнул внутрь, оглядываясь. Затрещали лампы дневного света, гулкое эхо волной прокатилось по огромному ангару. Тамара сощурилась, поправила очки, зацепилась каблучком за отверстие в металлической плитке, покрывавшей пол, и едва не упала. Звонарь тем временем уже стоял возле уходящих под высокий потолок штабелей ящиков.

– Это что?

Кладовщик в ответ пожал плечами.

– Не в курсе, извините. Тут их сотрудник нужен, а его сегодня не будет.

– Понятно... – рассеянно протянул Звонарь, переходя от одного штабеля к другому. Тамара, стараясь снова не споткнуться, шла за ним. Все ящики и коробки были маркированы одинаково – эмблемой «Шварцен Форричтанг» в виде трех скрещенных ключей. Ни пояснительных ярлыков, ни каких иных надписей на белом картоне она не увидела.

– Где документы на все эти грузы? – спросил Звонарь, почему-то морщась и потирая ладонью грудь.

Кладовщик махнул рукой в сторону затемненной будочки, притулившейся у ворот:

– Там все. Но у меня нет ключей, это их контора.

Звонарь остановился у тщательно уложенных на пластиковых поддонах коробок, посмотрел под ноги – на металлической плитке ясно виднелись следы колес погрузчика. «Когда грузили, на улице было мокро. Потом грязь засохла, а убрать не успели», – догадалась Тамара.

– Это последние поступления? – снова обратился капитан к кладовщику. Тамаре бросилось в глаза, что Звонарь побледнел.

– Ну-у... – задумался кладовщик и не успел договорить – издав мучительный стон, капитан согнулся и упал. Тамара бросилась к нему, присела, попыталась нащупать на шее пульс.

– «Скорую»! Врача! Быстро! – крикнула она кладовщику и с трудом перевернула Звонаря на спину. Он едва дышал, губы посинели, глаза закатились.

Врача, дежурного из Зареченской больницы, привезли через несколько минут. Пока его не было, Тамара вместе с работниками «Кошкиного дома» перенесла капитана в фойе офисного здания. Здесь, уложив Звонаря на кожаный диван, она обратила внимание, что он уже не дышит, и попыталась сделать искусственное дыхание. Врач, молодой, высокий парень со щеточкой усов над верхней губой, вбежал в фойе, на ходу сбрасывая куртку. Он быстро осмотрел тело и уверенно заявил:

– Кома. Срочно в реанимацию!

С этого момента и до той страшной минуты, пока кто-то, весь в белом, с закрытым маской лицом, выйдя из дверей реанимационной палаты, не произнес роковые слова: «Примите соболезнования, сделать уже ничего нельзя. Сердце», – Тамара наблюдала все происходящее словно со стороны. Она сидела в коридоре, на обшитой кожзаменителем больничной кушетке, и в голове ее постоянно звучал голос Звонаря: «Вы, пожалуйста, вперед не лезьте... вперед не лезьте... не лезьте...»

Теперь капитан мертв. «Сделать уже ничего нельзя». Человек был на работе, поехал на задание – и...

«Задание!» – слово это обожгло Тамару и сразу вернуло в реальность. Едва не надавав себе пощечин от злости, девушка трясущимися руками вытащила из сумочки телефон и набрала Чеканина.

– Терентий Северьянович! Это Тамара... То есть стажер Поливанова. Звонарь умер! Инфаркт. Прямо на складе. Он в больнице, и я тут...

– Ты склад опечатала?! – резко перебил ее бессвязное бормотание полковник.

– Ой... – растерялась Тамара. – Все так быстро случилось. Он же дышал еще, когда мы его несли...

– Пулей на склад! Никого не впускать! Ничего не трогать! Высылаю ГБР.⁷ Связь через каждые пять минут. Все, отбой.

– Алло! Это квартира Разумовских?

– Вообще-то да. А вам кого?

– Здравствуйте. Могу я услышать Соню?

– Это я... А...

– Соня, это мама Олега Марьяна, Анна Сергеевна.

– Здравс-сь... А что...

– Скажи, пожалуйста, ты вчера не видала Олега?

– Нет. В клубе выходной, а больше мы нигде... А что, что-то случилось?

– Он пропал. Ушел вчера рано утром из дому и до сих пор нет. Мы уже и в больницы, и в милицию... Ребят знакомых вот обзваниваем. И из школы, и из клуба вашего. Соня, а ты не знаешь, куда он мог пойти или поехать? Может, он говорил, делился планами?

– Н-нет... Нет. Я не знаю, Анна Сергеевна.

– Понятно. А с кем в клубе он общался, дружил, может быть?

– Да ни с кем особо... Вы лучше нашему руководителю позвоните. Он все про всех знает.

Записывайте телефон...

– Спасибо, Соня. Если вдруг будет какая-то информация...

– Конечно, я сразу сообщу. Номер ваш высветился.

– Еще раз спасибо...

– До свидания!

Соня Разумовская положила трубку и, закусив губу, посмотрела на себя в зеркало. Она знала, где Олег. И еще она знала, что должна найти его раньше милиции и спасателей. Тряхнув челкой, девушка решительно взяла телефон и набрала Бормана...

– Темнеет. – Борман сплюнул в снег и посмотрел на Соню. – Сегодня мы уже ничего не найдем.

– Но надо же что-то делать! – подал голос Витька Нуруллин. – Он где-то там... Может, счет на минуты идет.

– Заткнись! – взорвалась Соня.

Весь день она молчала – и когда примчавшаяся к Разлогам пятерка морионцев обнаружила свежезацементированный вход, и когда они бродили по лесу над Купольным залом в поисках неизвестного входа в пещеру, и во время короткого перерыва «на попить чаю», и когда правота Олега подтвердилась – Серега Засекин нашел дыру, через которую они спустились в пещеру. И даже когда были обнаружены вещи пропавшего Марьяна, Соня молчала – и ждала неизвестно чего.

Но, обшарив Разлоги и в нарушение всех правил оборовшись Олега, морионцы так его и не нашли. И Соня вдруг поняла, что знала об этом с самого начала. Марьян не просто заблудился в пещере, не просто попал под завал или провалился в полость. С ним случилось что-то гораздо более страшное. И когда пришло осознание, нервное напряжение вырвалось все же наружу, и Соня обрушилась на ни в чем не повинного Витьку:

⁷ ГБР – группа быстрого реагирования.

– Все только языком чесать и горазды! Спелеологи! Профи! А как до дела дошло – топчетесь тут по колено в снегу!

– Разумовская, уймись, а? – просто сказал Борман, и Соня послушно замолчала, вытирая рукавичкой выступившие слезы. Она понимала, что не права. Если уж начистоту, языком-то чесала именно она, из-за этого все и случилось.

– В МЧС придется звонить. И в ментовку. – Борман поднялся со ствола поваленной березы, достал мобильник.

– Стой! – Соня схватила его за руку. – Я сама. Только мне надо вначале с его родителями... поговорить, в общем. Поехали в Москву.

– Как в Москву? – Все начали недоуменно переглядываться. – А Олег? Он же там, внизу!

– Нет его там, – устало, но уверенно сказала Соня, закинула на плечо рюкзак и первой начала спускаться с холма...

Немец, высокий, жилистый, с костистым сухим лицом, одетый в элегантный черный костюм, был из породы энергичных стариков. Он вошел в кабинет, быстро огляделся, и тонкие губы чуть изогнулись в легкой полуулыбке. Впрочем, глаза немца оставались серьезными; кольнув Канаева острым, оценивающим взглядом, он протянул руку. Пожатие оказалось сильным, ладонь – сухой, словно дощечка. Несколько церемонно поклонившись, немец представился:

– Хорст Убель. К вашим услугам.

По-русски он говорил чисто, акцент едва улавливался при произношении твердых согласных. Канаев предложил гостю присесть, распорядился подать кофе.

– Нет, спасибо, – покачал седой головой немец. – Я берегу сердце. А вот от коньяка не откажусь. Тридцать граммов ежедневно – и вы можете забыть о холестерине в сосудах.

– Врачи советуют? – пробурчал Канаев, разглядывая гостя.

Он пытался найти в лице немца сходство с человеком на фотографии – и не мог. Но глаза... Глаза выдавали старика. С возрастом меняется все – кожа, ее цвет, появляются морщины, вваливается рот, отвисает подбородок. Лишь одно остается неизменным – взгляд. У сидящего в кресле напротив Леонида Дмитриевича старика, назвавшегося Хорстом Убелем, был взгляд человека с фотографии. Взгляд пастуха смерти.

В ожидании коньяка коротко поговорили о погоде, о мировом финансовом кризисе, о перспективах на будущее. Немец сделал комплимент хозяину кабинета:

– У многих русских, в короткий срок сделавшихся богатыми людьми, проблемы со вкусом. Они набивают свои дома множеством дорогих безделушек, совершенно не заботясь о стиле, о композициях и сочетаниях предметов. В итоге получаются чудовищно безвкусные интерьеры. Но ваше жилище, герр Канаев, приятно выделяется на общем фоне. Вот что значит кровь!

– Не понял? – напрягся Леонид Дмитриевич.

Немец снова улыбнулся уголками губ.

– Терпение, мой друг. Вы очень похожи на отца, он так же каменел лицом, если вдруг попадал в неловкие ситуации. Я подержу вас в неведении еще буквально несколько минут – мне надо решить, с чего начать. Надеюсь, коньяк поможет сделать выбор.

Бесшумно открылась дверь, и в кабинет бочком проскользнул референт с подносом, на котором янтарно светилась бутылка «Реми Мартен», стояли бокалы, а на тарелочках ждали своего часа дольки лайма, каперсы и шоколад.

– Давайте выпьем за знакомство, Леонид Дмитриевич! – Немец отсалютовал бокалом, пробормотал: «Прозит!» – и сделал маленький глоток, смакуя коньяк.

– Ваше здоровье, – кивнул Канаев, влил в себя содержимое бокала, поморщился – он не любил коньяк – и выжидательно уставился на немца. Тот молчал, хитро глядя сквозь свой бокал на пламя в камине.

Часы пробили восемь вечера. В «Президент-отеле» начался «круглый стол», посвященный проблеме инвестиций в условиях нарастающей рецессии экономики. Канаев ради встречи с немцем не поехал туда, хотя должен был. Но время шло, гость молчал, и Леонид Дмитриевич начал злиться.

– Быть может, мы перейдем к делу? – наконец процедил он, сжимая подлокотники кресла.

– Что? – Немец по-ящеричьи повернул голову, вновь уколов Канаева иглами зрачков. – Да, пожалуй. Все-таки вы чертовски похожи на отца. Бедняга Дитрих... Он ведь назвал вам свое настоящее имя?

– Допустим. Что это меняет?

– И фотографию показал?

– Послушайте, герр Убель, я очень занятой человек, мое время стоит больших денег, – окончательно рассердился Канаев.

Немец звонко хлопнул в ладоши, рассмеялся, показав совершенно белые молодые зубы.

– Вот теперь вы готовы, Леонид Дмитриевич! Вы злитесь, и мозг ваш, разогретый коньячными парами, работает с высочайшим КПД. Информация, которую я вам сейчас предоставлю, несколько удивит вас, но я навел справки – вы умны и сообразительны, поэтому, думаю, проблем не возникнет.

«Я тоже навел о тебе справки», – угрюмо глядя на немца, подумал Канаев. В собранном расторопным референтом досье была сосредоточена вся жизнь Хорста Убеля, тысяча девятьсот тридцатого года рождения, немца, уроженца города Щецина, специалиста по маркетингу систем связи, отца троих детей, преуспевающего бизнесмена. Вот только вряд ли эта образцовая биография имела хоть какое-то отношение к человеку, сидящему сейчас в кабинете Канаева. Хотя бы потому, что Хорст Убель никак не мог фотографироваться в форме гауптштурмфюрера в сорок втором году. Согласно свидетельству о рождении, ему в тот момент было всего двенадцать лет...

Немец, между тем, допил коньяк, положил в рот ломтик лайма и будничным тоном попросил:

– Будьте добры, выключите записывающую аппаратуру. Ни мне, ни вам ни к чему фиксировать на материальный носитель наш разговор.

Канаев скривился, про себя удивившись проницательности старика. Вытащив из кармана мягкой замшевой куртки пульт, он отключил камеру и выжидательно посмотрел на немца.

– И диктофон, – сухо произнес тот.

– Можно подумать, вы знаете, где он.

– Вмонтирован в подголовник кресла, на котором я сижу, – спокойно ответил старик.

«Да кто ж ты такой, если умеешь видеть сквозь предметы?!» – психанул Канаев, но внешне остался невозмутимым. Он поднялся, выключил записывающее устройство.

– Теперь вы довольны? Мы можем перейти к сути?

– Вы терпеливее, чем я предполагал, – немец опять рассмеялся. – Конечно, ваш организм сильно пострадал от неправильного образа жизни, неумеренного принятия алкоголя и табака, но в целом он полностью соответствует расчетным данным.

– Каким данным? – набычился Канаев. – И при чем тут вообще мой организм?

– Видите ли... – немец замялся. – В общем, вы, Леонид Дмитриевич Канаев, в некотором роде результат эксперимента, поставленного под моим руководством вашим отцом на самом себе.

– Что?.. – ошарашенно пробормотал Канаев.

– Вы единственный в мире живой человек, в жилах которого течет кровь древних обитателей нашей планеты, легендарных асов. Я вижу, вам знакомо это слово. Да-да, Леонид Дмитриевич, речь идет именно о тех, кого их полудикие современники именовали богами и поклонялись им.

– Вы сумасшедший? – тихо спросил Канаев.

– Я гений, – скромно улыбнулся немец. – Впрочем, давайте обо всем по порядку...

– Тебе, душа моя, не в ФСБ – в фитнес-клубе работать! – раздраженно выговаривал Чеканин, опершись кулаками о стол. Тамара, закусив губу, сидела напротив. Вокруг расположились остальные члены опергруппы. – На твоих глазах гибнет сотрудник госбезопасности! А ты занимаешься черт знает чем!

– Но товарищ полковник!.. – вскинула голову Тамара, – я же пыталась его спасти! Он умирал...

– Спасают врачи! – отрезал Чеканин. – А твоя задача – не поддаваться эмоциям и постараться по горячим следам выяснить, в чем причина. Это – азы! Ты их забыла, душа моя, а значит, встает вопрос о профпригодности...

Майор Вершинин пошевелился, кашлянул и негромко заметил:

– Вряд ли нужно ставить ей в вину то, что она бросилась спасать Звонаря. Да положи руку на сердце я поступил бы так же, хотя и дослужился до майора. А она – стажер.

– Но склад она опечатать могла? – прорычал Чеканин. – Теперь что? Звонарь мертв, а коробок этих и след простыл. Кладовщики ничего не знают, охрана не помнит, документы отсутствуют, а полы вымыты. А ведь были следы от колес погрузчика. И коробки были. Поливанова, были?

– Так точно, – несколько успокоившись, ответила Тамара. – Когда я вернулась, склад оказался закрыт. А потом, когда ГБР приехала, его открыли и... Я же написала в рапорте – отсутствовала часть груза, те самые коробки, возле которых товарищ капитан... В общем, где ему стало плохо. И следы погрузчика затерли.

– Вот! – Чеканин поднял вверх указательный палец. – Кто-то, кому мы, даже не начав расследование, прищемили хвост, нанес упреждающий удар.

– Товарищ полковник, – снова заговорила Тамара. – Я докажу! Только не выгоняйте меня! Пожалуйста...

– Выгоняют с урока, – проворчал Чеканин и сел. Некоторое время он молчал, потом совсем другим голосом тихо сказал: – У него сын родился. Три месяца назад. Николай не высypался совсем. Но сердце... Сердце у него было здоровое.

Вершинин наклонился к Джимморрисону, что-то прошептал ему на ухо. Тот кивнул и быстро вышел из кабинета. Карпухин закурил, тяжело вздохнул и пробасил:

– Если это был ментоудар, то нанес его большой мастер. Уж очень, мать его, точно. Никого больше не задело.

– Да это и ежу понятно, что мастер, – раздраженно махнул рукой Чеканин. – Кто? Как? Зачем? Что было в коробках? Навигаторы-то еще на таможне, а значит, вариант с Зиминым – пустышка. Или нет? Кто ему мозг выел? Может, часть приборов они сумели переправить на склад? Навигатор, подаренный подполковнику, местные бомжи сняли уже с трупа. Затем прибор продали перекупщику с Митинского рынка. Далее след теряется. В общем, определенно можно сказать только одно: «Шварцен Форричтанг» явно при делах...

– «Спецов» нужно поднимать, – бухнул Вершинин.

– Это и так ясно. Поливанова! Душа моя, завтра утром зайдешь ко мне, получишь заявку на донора и привезешь. Подробности тебе Стеклов растолкует. Поняла?

– Так точно, – выпалила Тамара, а в голове зазвенело колокольчиком: «Не выгнал! Не выгнал!»

Появился Джимморрисон, быстро расставил пластиковые стаканчики, откупорил водку. Потом достал из кармана хрустальную рюмку, наполнил и накрыл кусочком хлеба. Тамара сперва хотела сказать, что не пьет, но вдруг поняла – она лучше умрет, но выпьет. Есть вещи, которые перевешивают все остальное. Поминальная рюмка – из таких. Когда тебе наливают на дне рождения и говорят: «Не выпьешь – обидишь», – это одно дело. Но мертвые не обижаются. И ничего не говорят.

Тамара взяла стаканчик, посмотрела на Чеканина, на остальных.

– Земля пухом! – выдохнул полковник.

Четыре головы склонились в согласном поклоне. Тамара проглотила теплую водку и не почувствовала вкуса. Ей было плохо. И она знала – немочь эту невозможно излечить лекарствами, потому что болело не тело. И даже не душа.

Болела совесть...

* * *

Соня не хотела идти. Ой как не хотела! Про себя она в сотый, наверное, раз прокручивала предстоящий ей тяжелый разговор, и слезы сами собой катились по щекам. Это было очень трудно принять: она, Соня Разумовская, виновата в непоправимом. Она – убийца. Ее слова, сказанные без мысли, просто так, заставили человека пойти на смерть.

«Не ври! – тут же одернула она себя. – Не просто так. Ты хотела его подколоть. Ты знала, что он заведется. Тебе было приятно понимать, что он мучается. Ты развлекалась. Дура, дура, дура!»

Соня вышла со двора в переулок, повернула направо и побрела в сторону Сретенки. Олег жил в угловом доме, на шестом этаже. Это она узнала у Бормана. До дурацкого спора и исчезновения Марьина ей и в голову не приходило поинтересоваться, где он живет. Оказалось – почти соседи.

Олег вообще не интересовал Соню. Нет, конечно, когда он появился в «Морионе», она обратила внимание на лобастого, угрюмого, плечистого и какого-то нескладного паренька, словно бы стеснявшегося собственных больших рук с крупными кистями, ботинок сорок третьего размера, медвежьих движений. Марьин старался казаться незаметным, в основном молчал и отсиживался где-нибудь в уголке. Но, как дошло до спусков, выяснилось, что у парня настоящий талант. Очень скоро из новичка Олег превратился в крепкого подземника, заняв свое – и отнюдь не последнее место – в неписаной иерархии клуба. Но даже после этого Соня продолжала относиться к нему равнодушно. Ну да, есть такой Марьин, надежный парень, всегда поможет, возьмет на себя трудную и грязную работу, глупостей не делает – в общем, как говорится, «хороший товарищ».

Соне же нравились мужчины другого склада – поярче, поувереннее, с ловко подвешенным во всех смыслах языком. Олег был слишком правильным, слишком серьезным. И вдруг ни с того ни с сего этот правильный «хороший товарищ» обратил на Соню внимание. Произошло это летом, во время поездки в Карелию. Соня неожиданно обнаружила, что у нее появился уха-жер. Каждое утро она находила в палатке то букетик розовых калипсо, то затейливую коряжку, то миску с черникой. Неизвестный воздыхатель заинтриговал Соню, и она провела расследование. В группе, не считая руководителя, было двенадцать человек, из них пятеро девушек, которые сразу отпали хотя бы потому, что всех их Разумовская знала с детства. Понаблюдав за оставшейся семеркой парней, Соня с разочарованием выяснила, что глаз на нее положил вовсе не утонченный, смуглый Глеб Островной, не признанный лидер морионцев Борман и даже не резковатый, нервный, но веселый и находчивый Витька Нуруллин, а тихоня Марьин.

Вот за это разочарование, если быть до конца честной, Соня и начала изводить Олега. Нет, ну если разбираться по чести, на что он надеялся? Какие вообще у них могли быть отно-

шения? Начать с того, что Олег почти на два года младше! Он только весной наступающего года школу окончит, а Соня, потеряв год, этим летом все же поступила в Энергетический университет и теперь была «студентка первого курса Разумовская Софья Георгиевна».

Вообще-то Соня имела твердую уверенность, что после пары недель шуточек и подколов Олег сам махнет на нее рукой. Опыт по отшиванию парней у Сони был, что и говорить, богатый. Но Марьин оказался жутко упрямым типом. Он стоически терпел насмешки, продолжал дарить цветы, приглашать в кино или театр и провожал до дому, маяча в отдалении нескладной глыбистой тенью.

Она хорошо помнила разговор, состоявшийся у них в ноябре. Лил дождь, Москва расцветилась пятнами зонтов. Стоявшие в вечной пробке машины отчаянно сигналили. Соня возвращалась домой в веселом настроении; Олег, как обычно, плелся сзади. В какой-то момент девушка решила пошутить и, обернувшись, пальцем поманила своего кавалера. Когда Олег приблизился, Соня вынула из кармана платочек, промокнула губы и демонстративно уронила его на мокрый асфальт.

– Дарю, Ромео! – рассмеялась она и отошла на несколько шагов, наблюдая, что будет дальше.

Олег на секунду растерялся. Потом он поднял платок, посмотрел на Соню и глухо сказал:

– Зря. Не смешно. Я понимаю, что тебе наплевать на меня, но вот увидишь – скоро все изменится. И ты будешь думать обо мне, как я думаю о тебе.

Круто повернувшись, он ушел, а настроение у Сони почему-то сразу испортилось. Шутка получилась дурацкой. На секунду она даже представила, что Олег всерьез обидится и сделает что-нибудь нехорошее. Но тут кончился дождь, сквозь разрыв в тучах проглянуло закатное солнце, и тяжелые мысли выдуло из Сониной головы свежим вечерним ветерком.

«Никуда он не денется, – решила она. – Так и будет ходить следом, как собачка. Глупый, мрачный тип».

И вот теперь его нет...

Слезы снова хлынули у Сони из глаз. Давно уже стемнело, и навстречу девушке двигался сплошной поток возвращавшихся с работы москвичей, среди которых могли оказаться и знакомые. Чтобы привести себя в порядок и успокоиться, Соня свернула в ближайший двор и нос к носу столкнулась с дворничихой тетей Клавой.

– Сонюшка, здравствуй! Как живешь-можешь? Постой, ты плачешь? Что случилось-то? Обидел кто?

– Нет, – замотала головой Соня и вдруг, поддавшись внезапному порыву, обняла старушку и, уткнувшись лицом в мягкое плечо, прорыдала:

– Теть Клав, я человека уби-и-ила...

– Ой ты ж господи! – воскликнула тетя Клава и, приобняв девушку, повела ее прочь со двора, ласково приговаривая: – Пойдем-ка ко мне, горемыка. Чайку попьем, у меня лист брусничный есть. Ой ты ж господи...

...Год окончания школы у Сони Разумовской не удался. Нет, поначалу все шло нормально – Соня получила аттестат зрелости, про который доморощенные юмористы любят говорить: «половой», думая, что это очень смешно, и приготовилась вступить во взрослую, самостоятельную жизнь.

Само собой, по окончании школы подразумевалось, что Соня будет поступать в высшее учебное заведение. Так решили мама и папа Разумовские, единодушно выбрав для любимой доченьки филфак МГУ. Соне же выбор родителей да и сам факт поступления были очень даже до фени, потому что на нее, Разумовскую-младшую, свалилось стихийное бедствие под названием «любовь»!

Бойфренд появился у Сони внезапно. Ее школа была школой «продвинутой», чуть ли не каждый второй старшеклассник щеголял в прикиде гота, рэпера или рокера – словом, «от

неформалов не продохнуть», как выразился директор. Естественно, Соня знала, что такое «шмаль», она же «травка», пару раз, будучи отпущенной родителями в компании одноклассниц на ночную дискотеку, пробовала «колесики», но благоразумия хватило – наркоманская стихия, слава Богу, не увлекла Разумовскую.

Но стихия любовная увлекла, и тут Бога славить в общем-то не за что, и вот почему. Бойфренд был года на три старше Сони, имел бритый затылок, кожаную жилетку и толстую цепь сомнительного металла на шее. Соне он по секрету сказал, что это платина, с-с-страшно дорогушая, но об этом никто не знает, только он и вот теперь еще Соня. Словом, бойфренд был братаном, не то чтобы чьим-то, а так, вообще, профессия у него такая была: братан. Разряда шестого, судя по всему.

Еще у братана-бойфренда была машина. Соня про себя называла ее «красенькая», потому что в марках не разбиралась, но компетентная подруга Динка Сопович определила, что это «БМВ-пятерка».

Бдительные родители бдели-бдели, внимательно интересуясь учебным процессом дочери, пристально проследили за сдачей выпускных экзаменов, сходили вместе с Соней и подали документы, а потом, решив, видимо, что дело сделано, укатили на дачу, оставив Соню готовиться к вступительным экзаменам на попечение бабульки-соседки, вдовы сталинского наркома, одиноко доживающей свой век в трехкомнатной квартире вдвоем с именным «маузером» мужа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.